

Илона Ивашкевич

Легенда о Вейм

Драконья душа

6+

Илона Ивашкевич
Легенда о Вейм. Драконья душа

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Илона Ивашкевич

Легенда о Вейм. Драконья душа / Илона Ивашкевич — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Ни одно благое дело не остается без награды. Наградой для Вейм РедДреган за спасение Драконовых земель стала ссылка на Родину, где её не очень-то и ждут. К тому же команда, клявшаяся следовать в огонь и воду за своей королевой, исчезла, оставив Вейм самой выбирать из паутины интриг. Из-за злой шутки судьбы единственным помощником женщины становится ледяной дракон. Он как и Вейм, мечтает вернуть титул Правителя Озерного Края и ищет новое вместилище для своей души, ведя игру, в которой люди - лишь пешки на ледяной доске.

© Илона Ивашкевич, 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

Глава 1. Изгнание	6
Глава 2. Родина	8
Глава 3. Пропажа	41
Глава 4. Турнир	43
Глава 5. Игры Амура	62
Конец ознакомительного фрагмента.	73

В оформлении обложки использовано изображение амфисбены со средневекового манускрипта. (Англия, 1200 год нэ.) <https://en.wikipedia.org/wiki/Amphisbaena>

Глава 1. Изгнание

– Может действительно поехать? – Женщина отвернулась от окна и скрестила руки на груди.

Женщине было чуть за двадцать, но усталое лицо и пролегли под глазами тени, спутники бессонных ночей, состарили ее. Состарили... но не сделали уродливой. Люди, видевшие ее, говорили, что женщина обладает «змеиной красотой». Длинные черные волосы, что волнами спускались по спине до самой поясицы; тонкий, гибкий стан и холодные нефритовые глаза делали ее похожей на обитателей холодных морей, что омывают здешние берега. Кольчуга, накинутая поверх бархатного платья, еще больше добавляла ей сходства с рептилией. Мелкие кольца, словно чешуя, блестели в лучах закатного солнца.

– Поезжай, Вейм, – ответила ей пожилая собеседница, расположившаяся в кресле с высокой резной спинкой. – Ты устала и давно не видела семью, а тут такие вести: свадьба сестры. Развеешься, отдохнешь, повеселишься.

На изможденном лице молодой женщины на мгновение появилась злая усмешка.

– За шесть лет, Маа, я не получила от них ни одной весточки: ни поздравления, ни сообщения, ни ответа на мольбы о помощи. Они словно исчезли из моей жизни: ни слова, ни строчки за столько времени! И вот сейчас это приглашение, переданное с торговым караваном...

– На все воля богов, Вейм, – медленно проговорила та, что называли Маа, пряча длинные худые увенчанные массивными перстнями пальцы в меховую накидку. Внезапный порыв перевернул пожелтевшие страницы манускрипта, лежащего на ее коленях.

– Ты получила вести от предсказательницы Лоррен?

– Увы, у меня для тебя плохие новости. Вейм, ты хоть и выжила после обряда посвящения, но так и не стала драконом. Смирись, Вейм.

– Почему, ж «увы», Маа. Мой муж, твой старший сын, мертв, но у тебя еще осталось в живых два сына. Живы и их дети. Радуйся, о Маа: кровь РедДреганов не исчезнет. Не пройдет и недели как Совет Родов выберет нового короля.

– Ты была хорошей королевой, Вейм.

– Кто бы сомневался, Маа, – усмехнулась девушка. Последний луч скользнул по ее бледному худому лицу и искоркой отразился в зеленых глазах. – У меня был хороший учитель.

– Ты мне льстишь, Вейм, – улыбнулась женщина. За весь их длинный разговор лишь эта легкая улыбка была единственной эмоцией отразившейся на неподвижном лице Стальной Маа.

– А говорят, что камни не улыбаются.

– Ничто человеческое мне не чуждо. Люди склонны считать меня, чудовищем, куклой без эмоций, но они ошибаются. И кому как не тебе это знать. Поезжай, Вейм. Возьми Хагена, он был правой рукой твоего мужа и еще послужит тебе. Возьми людей, меха и золото, ляди, те, что строил еще твой муж для сына – они теперь твои. И приданное своё возьми.

– Я правильно тебя понимаю, о Маа?

– Да, Вейм. Как только весть о том, что обряд прошел неудачно достигнет некоторых людей, тебя попробуют убрать. В тебе нет драконьей крови и королевой Драконовых земель тебе не быть. Тебя не любят, Вейм... – проговорила Маа. – И боятся, – добавила она, немного помолчав.

– Они не любят порядок, но именно этот жесткий порядок помог пережить чуму и голодные годы. Если бы я не разделила страну на области, поставив военные кордоны, так что даже мышь не проскочит, мор бы продолжался, и люди бы продолжали умирать от язв и кровавого пота. Я была в северных деревнях. Я видела. А ты помнишь, что было после? Люди были измождены болезнью настолько, что не могли пахать и сеять. Если бы я не потрясла золотые

запасы, этих зажавшихся уродов из Совета, народ бы не пережил зиму. Наш север практически обезлюдел. Мне с трудом удалось остановить заразу и защитить юг. А орды из черных земель? А не о жесткой ли руке Совет молил, когда полчища иноземцев, как саранча хлынули в наши земли? Если бы я не закрыла перевалы и не построила форты, Черный король уже пировал в тронном зале Драгонхолла, а его слуги хлебали вересковую медовуху за столом, за которым так любят заседать эти умники из Совета. А что сделал Совет? Они просто попрятались в своих замках, ожидая, что чума выкосит слабых, а после больные сдохнут от голода. Никто, слышишь Маа, никто из совета не пришел мне на помощь! И теперь, когда все закончилось, они вдруг вспомнили, что я не дракон, а лишь вдова дракона!

– Народ Драконовых земель ценит твою помощь.

– От народа Драконовых земель в Драконовых землях ничего не зависит. Вся власть у Совета. Этим напыщенным болванам важна только чистота крови. Они способны лишь хвататься древностью рода, плести заговоры и травить друг друга в тесных коридорах Драгонхолла. Знаешь, Маа, единственное, о чем я жалею, это о том, что я не успела разогнать эту шайку воров и интриганов.

– Если тебя, это утешит, Вейм, но в Совете тебя тоже не любят. Ты слишком резка с благородными господами. Но сейчас это уже не важно. Завтра в обед Совет соберется, и главная жрица объявит, о том, что твоя кровь не кипит под лучами полной Луны. Как только это произойдет, за твою жизнь я не дам и гроша. У тебя есть время только до обеда. Даю тебе слово, что до заседания Совета о том, что ты провалила ритуал, никто не узнает.

– В Драгонхолле даже у стен есть уши. Если узнала ты, то узнают и другие.

– Исключено. О том, как прошел ритуал, знает только Верховная жрица Лоррен и две её немые помощницы. Жрица моя давняя должница, она будет молчать столько, сколько положено.

– Значит завтра с утра... Я думала, у меня есть хоть какой-то выбор.

– На то была воля богов, – отрезала Маа.

Девушка усмехнулась и, закрывая окно, бросила последний взгляд на холодное море, лениво плескавшее у подножья утеса, на котором стоял замок. Там, за витражным стеклом узкого стрельчатого окна, шумели волны, ударяясь о поросшие тиной серые скалы, свистел ветер, путаясь в полотнищах флагов, кричали, укладываясь на ночлег, чайки.

В маленькой комнатке на самой вершине замковой башни, было тепло и уютно. Камни, из которых она была сложена, за короткий летний северный день успели нагреться и теперь медленно отдавали жар. Маа зажгла толстую желтую свечу, намекая о том, что разговор не закончен, и в комнатке запахло воском. Блики огня заплясали в ее больших карих глазах, отразились от полированной поверхности камней в массивном ожерелье опутавшим шею и маленькой радугой легли на шпалеру украшавшую стену. Не смотря на возраст на лице женщины практически не было морщин, а длинные густые серебристые волосы не трогала седина. Она все так же была стройна, а её горделивой осанке завидовали молодые девушки.

– Мне нужно собираться. Путь не близкий, – проговорила девушка, накидывая на хрупкие плечи серый плащ с меховой оторочкой.

– Я уже отдала все распоряжения. Посиди со мною, Вейм. Нам много о чем надо поговорить.

Глава 2. Родина

Два месяца провели драккары, бороздя воды холодного моря. Сквозь шторма, туманы, плыли они на юг. По истечении третьего месяца, в один из хмурых летних дней на горизонте показалась тонкая полоска земли. Родные земли встречали Вейм и её спутников мелким моросящим дождем.

– Добро пожаловать домой, – с плохо скрываемым сарказмом произнесла Вейм, доставая карту из кожаного тубуса.

Тубус был стар и потрепан. На его лоснящихся боках красовались яркие разводы: багровые от вина, белесые от соли, жирные от солонины, чуть зеленоватые от травы и темно синие кляксы чернил. Падающие с неба капли оставляли на его кожаной поверхности темные пятна. Стол, на котором была разложена карта, был такой же потрепанный жизнью и северными ветрами, как и тубус.

– Поплывем вдоль берега на юг до первой рыбацкой деревеньки, – проговорила женщина, проводя пальцем вдоль ломанной синей линии, изображающей берег. – Нам нужно добраться до Хили, потом подняться вверх по течению до Мянтувиля, а там до Таммивиля рукой подать. Получится большой крюк, но пытаться высаживаться на побережье и пробираться через болота и леса напрямую до Таммивиля было бы верной гибелью. Карт Озерного края у нас нет, да не думаю что, они вообще существуют. Места здесь дикие, плохо разведанные. По крайней мере, так было шесть лет назад. Не думаю, что что-то изменилось.

– Госпожа, может, привал устроим? Поохотимся, костерчик разведем, авось горяченького покушаем, – спросил лысый крепкий мужчина неопределенного возраста, сидящий на пустой бочке из-под рыбы. – Уже месяца три, считай, одной солониной питаемся.

– Ирсен прав, госпожа. – Заметил стоящий рядом высокий статный мужчина в темно-синем дорожном костюме и темном плаще. – Запасы воды и еды на исходе. Люди устали. Дайте нам день, чтобы восстановить силы.

– Хорошо, Хаген, – с плохо скрываемым раздражением ответила женщина. – Но завтра, на рассвете, мы снова двинемся в путь. И скажи людям, пусть не попадают на глаза местным. В моем мире вся земля принадлежит лордам, и охота без разрешения землевладельца запрещена.

– Не волнуйтесь, госпожа. Если нас кто-то увидит, тот об этом тотчас же забудет. – Хитро прищурил левый глаз Хаген, и его лицо свело судорогой. Правый глаз был прикрыт повязкой, из-под которой был виден вертикальный шрам, проходивший через всю правую половину лица от высокого лба до подбородка. – Навсегда забудет.

– Убийство в этих землях запрещено. Люди здесь живут по обычным законам, написанным людьми и для людей, а не по Кодексу Война начертанному на куске пергамента лишенным ума старцем, помешанным на оружии и общении с духами, для фанатиков меча и топора.

– Как же ваши люди развлекаются? – Спросил Хаген, пропуская мимо ушей едкое замечание про Горного старца. Старец, отшельник, музыкант, философ и воин, автор Кодекса Война был его кумиром с ранних лет.

– Увидишь, Хаген. Мы ж едем на свадьбу моей сестры. А так, как на празднество обещал пожаловать сам король, то всяческие развлечения нам обеспечены. Думаю, мои

родители и родители жениха в лепешку разобьются, чтобы утереть нос всем родственникам, соседям и знакомым. Так что вино будет литься рекой, и сотни бездельников будут услаждать слух своими песнопениями.

– Вы не очень любите свою родню, – укоризненно покачал головой Хаген.

– Мне не за что их любить. Поверь мне, они относятся ко мне точно так же. К тому же, я не думаю, что они будут рады видеть меня, женщину без денег, земель и титулов, похоронившую сына и мужа, – горько усмехнулась она.

– Вы заблуждаетесь, о Вейм. Вы их дочь, значит, они должны заботиться о Вас, что бы ни случилось. Так завещано богами: род должен заботиться о своих людях, так и люди должны заботиться об общих нуждах рода.

– Хаген, ты на моей земле. Здесь другие боги, другие люди и другие порядки. Здесь принято водиться только с теми, кто обласкан богами. В этих землях, если ты богат и знаменит, ты важный гость за любым столом и в любом доме, даже если ты бастард, а бедного родственника могут и на порог не пустить. Прости меня, Хаген, что бережу твои раны, но на этих землях у тебя больше шансов пробиться наверх, чем в Драгонхолле. Нужно только добраться до моего дома, примелькаться, а вот если сумеем устроиться на службу, то жизнь снова будет сытна и весела. Свадьба сестры отличный шанс, чтобы обзавестись новыми связями.

– Пробиться наверх, устроится на этих землях... Вы так уверены, что мы никогда не вернемся в Драгонхолл?

– Хаген, нам ясно указали на дверь. Маа даже расщедрилась настолько, что вернула приданое. Это очень широкий жест для потомка драконов. Если мы вернемся, нас похоронят с почестями. Все упыри из совета радостно понесут мой гроб на погребальный костер, а впереди процессии плачущие девы будут бросать пучки бессмертника, и Великая Маа потащит свою красную книгу с генеалогическим деревом РедДреганов. Но, скорее всего, по прибытии в Драгонхолл нас тихо прирежут и закапают на полосе прилива, словно обычных разбойников. Почему-то все, из двадцати трех женщин и мужчин, отправившихся с нами в путь, это понимают. Все... кроме тебя.

Деревянный борт драккара с глухим ударом закопался в мокрый песок. Хагена и Вейм чуть отбросило.

– Приехали, – рывкнула женщина, поднимаясь с тюков.

Не дожидаясь пока установят хлипкие трапы, Вейм спрыгнула, задрав полы плаща. Высокие промасленные сапоги отлично защищали ноги от воды, черная куртка и плащ из кожи морского змея с капюшоном одинаково хорошо спасали и от дождя, и от холода, и от дротиков, и от звериных зубов. Под ней на холстяную рубашку был надета кольчуга из иссиня-черного металла, прочная, но легкая. Её спутники были одеты также: толстые куртки, побелевшие от соленых брызг, потрепанные морским ветром кожаные плащи грязно серого цвета, потертые сапоги. Некоторые плащи были отороченные мехом морских животных. Дождевая вода и брызги волн скатывались по длинному ворсу, не давая намочить теплому подшерстку. У некоторых одежда была украшена шнурками и стальными колечками. Основной доспех был скрыт под многослойной немаркой одеждой.

Отправляясь в дальний путь, люди взяли все самое ценное, что у них было: хорошее оружие и зачарованные вещи на все случаи жизни. У Вейм не было ни амулета Богини Дождя и или Бога Огня, ни волшебных глаз водяного змея, ни застывшей крови древнего дерева. В маленьком кожаном мешочке цвета алой крови, спрятанном под сталью кольчуги, лежала земля с могил мужа и сына.

Лагерь было решено разбить прямо на берегу, под вековыми соснами. Собранные наспех костры разгорались плохо: сырые поленья еле тлели. Пока одни люди ходили за водой, другие чинили паруса и весла, третьи занимались ужином, Хаген и Вейм отправились осматривать окружающие земли. Места были дикие: ни брошенных рыбацких лачуг, ни полей, ни человеческих следов или запахов. Не было ничего, что бы указывало на то, что здесь когда-то жили люди. Да и зверей было не много: путники видели пару лесных оленей, испуганную сову и белок. Лес стоял молчаливый и пустой, только прелые иголки шуршали под ногами и кое-где

в густых кустах стрекотали цикады, возвещая о том, что дождь скоро кончится. Зато много было змей. Черные толстые гадины нехотя уползали с тропинки. Иногда они злобно шипели, свернувшись клубком, и кидались на путников, целясь в голенище.

На обратном пути спутники Вейм вспугнули семью кабанов, которые были отловлены и по возвращению зажарены.

– Не нравится мне здесь, – проговорил Ирсен, доглядывая мясо с шипящих ребрышек. – Мертво. Вы ты хоть что-то в лесу видели, а у нас тут совсем тихо было. Ни одной букашки не проползало, кроме скорпионов. Ребята их наловили немножко и зажарили: вкусные словно семечки. Если бы не кабанчик, ужинать нам опять солониной. Да тут даже чаек не слышно!

– Илана с женщинами вернулась?– Хаген аккуратно вытер испачканные в сале пальцы о грязное полотенце. Ему, выросшему в Драгонхолле и воспитанному по всем правилам дворцового этикета, отсутствие горячей воды и чистых салфеток было не по нраву. Да, он спокойно переносил все тяготы, сопровождая Илириха, а затем и его жену, в многочисленных походах. Он спал на жесткой земле, завернувшись в старый плащ, питался скудным солдатским пайком, проводил в седле трое суток, но дворцовый быт с горячей ванной, завтраками, свежими простынями и теплым сортиром был ему милее. Единственное, что не переносил Хаген – это дворцовые интриги. Будучи от природы человеком прямым, преданным и честным, он терялся, оказавшись в паутине чьих-то корыстных замыслов и, если бы не Вейм, его бы давно сгноили в тюрьме, свалив на него вину за участие в заговоре.

– Нет еще. Видимо не нашли они воды, – покачал лысой головой Ирсен. – А вы ешьте, госпожа, ешьте, – проговорил он. В отличие от Хагена, он в качестве салфетки использовал свои длинные густые рыжие усы.

– Плохо. Скоро стемнеет. Сколько людей ушло с ней?– Спросил Хаген, укутываясь в плащ.

– Пятеро.

– Если через час не вернутся, отправлю за ними,– проговорила Вейм.

Однако не прошло и получаса, как Илана вернулась.

– Ты задержалась, – проговорила Вейм вместо приветствия. – В чем причина?

– Родник далеко, О Великая Вейм, но мы набрали много воды для наших людей, – проговорила Илана, то запинаясь, то растягивая слова. Её безумный взгляд блуждал по лицам стоящих рядом людей.

– Не паясничай, Илана. «Великой» меня называла только Маа и то, когда хотела позлить. Складывайте бурдюки и ступайте есть.

– Слушаюсь, о Великая, – проговорила женщина, поклонившись, и, неловко развернувшись, заковыляла в сторону второго костра.

Вейм попыталась что-то добавить, но Ирсен мягко остановила ее жестом.

– Она пьяна. Видишь, её шатает, – прошептал он.

– Быстро собери всех, кто ходил к роднику вместе с ней, – прошептала Вейм.

– Госпожа, у нее зрачки сужены,– заметил Ирсен.

– Тогда еще быстрее. Воду, принесенную с родника, не пить.

Илана так и не дошла до костра. Споткнувшись о старую корягу, она рухнула на песок. Ирсен едва успел подхватить женщину.

– Ну что ж ты, милая, не время спать. Вставай. – Ирсен тряс её о тех пор, пока женщина не открыла глаза: глазные белки покрывала красная сетка вздувшихся капилляров. Женщина закашляла, слюна начала пениться на белеющих губах. Ирсен, не переставая трясти Илану, нащупал одну из висевших за поясом бутылочек. Вытащив пробку из пузырька, он влил в горло теряющей сознание женщины янтарное зелье. Затем он аккуратно положил несчастную на землю, и ее тут же согнуло пополам и вырвало.

– Эх, Илана, Илана, – ласково проговорил Ирсен, держа ее голову за спутанные рыжие волосы. – Вроде взрослая девочка.

Вейм тем временем откупорила один из бурдюков и принялась.

– Обычная пресная вода из лесного ручья. Пахнет прелой листвой и мхом. – Она небрежно кинула бурдюк в кучу. Ударившись о камень, сшитый из кусочков кожи мешок, разлетелся на осколки, словно стеклянный. – Старый пройдоха Ирсен сэкономил на экипировке?

– Нет, госпожа. Ирсен всегда очень ответственно относился к закупке провианта: бурдюки хорошие. Это с водой что-то не так: она всего за несколько часов развела швы, – проговорил Хаген.

Мужчина, сидя на корточках, осматривал лоскуты кожи. Рядом, оживленно переговариваясь, стояли спутники.

– Кто-нибудь пил из ручья? – Медленно проговаривая слова, спросила Вейм.

– Нет, только мама, – испуганно ответил Ингер, сын Иланы, тощий мальчик с рябым лицом и огненно рыжими волосами. На вид ему было не более двенадцати лет.

– Собирайтесь, – быстро проговорила Вейм. – Идем к роднику. Эррин, – крикнула она тучному большому мужчине, медленно поворачивающему мясо. – Распорядись, чтобы оставили еды на шесть человек.

– Скоро солнце сядет. Путь не близкий, – попытался остановить её Хаген.

– Мы идем к роднику, – повторила Вейм. – Ирсен, позаботься об Илане. Показывай дорогу, – скомандовала она рыжеволосому мальчику.

Не прошло и часа, как оступившись, Хаген оказался по колено в воде. Заваленная прошлогодней листвой тонкая змейка ручья, петлявшая между поросшими мхом и ярко-желтыми грибами камнями, была едва заметна. Пройдя еще немного, путники наткнулись на лесное озерцо, из которого и вытекал ручей. У берега, поросшего багульником и болотной травой, вода была прозрачной, ближе к середине озера цвет её становился темно-зеленым, дальше, насколько хватало взгляда, простиралось болото, и черная вода поблескивала в старицах. Там, где ручей вытекал из озера, была свалена куча камней. На изрезанной трещинами шершавой поверхности одного из них Вейм разглядела знак. Дожди почти стерли его, и из-под шапки мха едва был виден вытянутый зубастый череп с двумя парами рогов и остатки надписи "Будь проклято [...] племя".

– Ручей проклят и отравлен. Что и требовалось доказать. – Вейм набрала воды в стеклянный пузырек и спрятала в мешок. – Возвращаемся в лагерь. Видишь черепушку черную? – Показала она на рисунок. – Таким знаком в наших деревнях изображают чудовищ или монстров вредных: оборотней, вампиров, драконов или василисков. Скорее всего, кто-то из них поселился на берегу озера, распугав в окрестных лесах всю живность. Люди покинули эти места последними, перед уходом отравив источник воды. Во всяком случае, нам лучше уходить. Я не уверена, что эта тварь здесь больше не живет.

– Не думаю, что оно еще здесь, госпожа, – покачал головой Хаген. – Чудовищу нужно чем-то питаться, а здешний лес пуст. Оно либо ушло вслед за животными, либо умерло от старости.

Вейм собралась было поспорить, как явственно почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Женщина обернулась: никого... лишь ветер шуршал прошлогодним рогозом. Собрав людей, Вейм вернулась в лагерь.

Ночью Вейм проснулась от странного ощущения, словно кто-то наблюдал за ней из леса. Она села и, поежившись от ночного холода, подбросила пару веток в костер. Уже затухающее пламя заплясало на коре, весело жуя длинные желтые иголки. Рядом, завернувшись в плащи, спали Хаген и Ирсен. Чуть дальше, у соседнего костра, был слышен шепот дозорных. Стоило

огню разгореться, как один из них тут же появился рядом, с вязанкой хвороста через плечо. Удостоверившись, что все в порядке, он кинул вязанку и исчез во мраке.

– Тоже не спится, госпожа? – Илана, лежала у костра, прижимая к себе спящего сынишку.

– Да, – коротко ответила Вейм, устраиваясь на свернутой медвежьей шкуре. Над ней огромным сверкающим ковром раскинулся, такой родной и такой чужой одновременно, звездный небосвод. Поймав себя на мысли, что она с удовольствием променяла бы это родное теплое небо на чужое холодное над Драгонхоллом, женщина горько усмехнулась.

– Вы ведь, тоже его чувствуете, – продолжила Илана.

– Кого его? – переспросила женщина.

– Зло, притаившееся в лесу.

– Илана, ты бредешь, – раздраженно проговорила Вейм. – Единственное зло в округе – это я, спи спокойно. Завтра будет тяжелый день.

– Оно завет Вас, слышите? – Прошептала Илана, приподнимаясь на локтях.

– Илана, если ты попытаешься встать, я свяжу тебя так, что ты не сможешь пальцем пошевелить. Не слышу я ничего. Тишина мертвая: только волны о песок бьются.

– Оно завет Вас... – Глухо прошептала Илана.

– Да что ж это такое...

Вейм резко вскочила. Позади лениво плескалось море, а впереди темной безмолвной стеной стоял лес. Только ветер раскачивал верхушки сосен. Внезапно женщине показалось, что кто-то смотрит на нее из-за деревьев, но через мгновение это чувство исчезло.

Илана, как не в чем ни бывало, крепко спала, прижав к себе сынишку. Тяжело вздохнув, Вейм подкинула веток в костер. Всю оставшуюся ночь она проворочалась, то засыпая, то просыпаясь. Ей снились разноцветные витражи Драгонхолла, Маа, читающая сказки сидящему на коленях внуку, праздник бога Огня, манускрипты в замковой библиотеке и кожаные, покрытые толстыми пластинками рукавицы мужа.

Огненный шар медленно поднималось над водой, окрашивая редкие тонкие облака в багровые тона. Раскачиваемое мелкими волнами, бьющимися о крутые борта, судно тихо скрипело. Попутный ветер надувал тяжелый парус и драккар, словно грузная морская птица, летел над водой. Позавтракавшая команда собралась на носу судна и занималась своими делами: мужчины играли в кости и чинили снасти, женщины чистили рыбу и перебирали нехитрый скарб под грустную песню. Сама Вейм дремала, прислонившись щекой к мачте.

– Опять ночные кошмары? – Спросил Хаген, присаживаясь на один из грубо сколоченных ящичков, привязанных к деревянному борту толстым канатом.

– Илана всю ночь бредила, – проговорила Вейм, не открывая глаз.

– Илана спала, как убитая, а вот ты всю ночь ворочалась... Дурные видения?

– У меня не бывает хороших видений с того дня, как в гроб моего сына забили последний гвоздь.

– Ты живешь прошлым. Мой тебе совет: перестань беречь духов сына и мужа. Отпусти их, пусть дожидаются в стране мертвых. Если ты будешь каждый день их вспоминать, не будет покоя ни тебе, ни им.

– Тоже мне, советчик, – Вейм открыла один глаз и, глотнув из фляги, багровой жидкости поморщилась. – В своей жизни разберись. Твоя матушка пред отъездом не соизволила назвать имя твоего отца?

– Нет, – Хаген пригладил рукой собранные в хвост черные кудрявые волосы.

– Нужно было мне прижать её. Столько лет кормила тебя сказками, что «не время», «узнаешь потом»... Бла... бла... бла... Иголки под ногти, и к вечеру ты бы уже обнимался со своим отцом или оплакивал его кости, если к сему счастливому моменту он умудрился сдохнуть.

– Вейм, я прошу тебя быть вежливее, говоря о моей матери. Леди БлюДреган порядочная женщина и не заслужила, чтобы так о ней отзывалась.

– Стоит тебе напомнить, что благодаря этой порядочной женщине твой дед лишил тебя наследства, а так же протекции на поступление во все учебные заведения и официально у тебя нет образования. Напоминаю, что род в драконовых землях всегда определялся по отцу, а так как тебе неизвестен твой родитель, тебя не могут внести в генеалогическое древо ни одного из родов. Следовательно, дорога королевскую службу тебе закрыта, да и высоких военных чинов тебе тоже не видать, как своих собственных ушей, как, впрочем, и детям твоим, и внукам, и правнукам. Так что, благодаря милости своей матушки, ты превращен бастарда без рода и племени. Если бы не мой муж, ты так бы и остался рядовым стражником в охране Драгонхолла.

– Госпожа Вейм, я очень благодарен Вам и Илириху РедДрегану за все, что сделали для меня.

– Хаген, одно твое слово, и я бы мигом выбила всю дурь из кудрявой головки твоей ветреной матери.

– Прекратите.

– Опять травмишь Хагена, Вейм? – Ирсен кинул кусок шкуры рядом с Хагеном, и, развалившись на нем, словно большой рыжий кот, принялся причесывать резным костяным гребнем свои длинные усы. – Илане вроде бы легче, – кивнул он на блюющую в стороне женщину. – Зараза из нее выходит. Денёк помучается, и будет как новенькая.

– Сплю я, – девушка закрыла глаз.

– Ага... Наговорила за ночь и дрыхнет. Ишь, как замоталась в плащ, – протянул Ирсен, выгаскивая колючку.

– Я? Да вы спали как два сурка. Это Илана всю ночь ворочалась.

– Илана-то как раз спала, несмотря на жар, а вот ты металась как безумная. Словно не Илана водицы хлебнула, а ты: то звала кого то, то связать грозилась.

– Бред, – фыркнула девушка, пригладив назад отросшие волосы, бывшие месяц назад аккуратной челкой. – Спроси у Ликара, он дежурил вчера. Он мне хворост принес.

– Ликар, говоришь... Вчера Имрис и Тарик в дозоре были, а Ликар раньше всех спать завалился.

Не желая продолжать разговор, женщина закрыла глаза.

– Город, я вижу город, – донеслось с носа судна клич дозорного.

Вейм с неудовольствием отметила, что дозорным нынче все-таки был Ликар, а следовательно, дежурить ночью он не мог.

– Дракона с носа уберите, – раздраженно рявкнула Вейм, открывая глаза. – Не будем раньше времени пугать местных жителей.

Тем временем драккар обогнул мыс и оказался в небольшой бухте, защищенный от штормов высокими скалами. На маленьком клочке земли между водой и скалами растянулся по крутым берегам городок Хили. Маленькие домики с красной черепичной крышей, цепляясь за уступы выцветшими бледно-серыми гроздьями, висли на скалах, словно ласточкины гнезда. Ниже громоздились лавочки, склады, мастерские, трактиры. У самой воды веером растянулись позеленевшие от водорослей деревянные причалы и доки. Рядом покачивались на волнах рыбацкие лодки и торговые суда.

– Ирсен, ты остаешься с командой. Я и Хаген спустимся на берег, узнать нынче творится в мире. До моего возвращения никаких отлучек в город! Местных на борт не пускать. Будут спрашивать: торговцы мы.

– Пошли, Хаген, – скомандовала она, когда драккар мягко уперся деревянным боком в пристань.

В городе их заметили раньше, чем дозорные Вейм разглядели маяк Хили на горизонте. К их прибытию на пристани за столом, покрытым истершимся от времени зеленым сукном уже

сидел толстый сборщик налогов, а на крышах окрестных домов уже прятался в засаде добрый десяток лучников.

– День добрый, уважаемый, – слегка растягивая гласные, произнесла Вейм, кивнув головой в знак приветствия.

– Др..брый, – пробурчал под нос чиновник. – Кто такие, и куда путь держите?

– Меня называют Вейм. Я и мои спутники плывём из Драгонхолла в Таммивиль.

– Драгонхолл... Никогда не слышал о таком, – сделав запись в амбарную книгу, задумчиво проговорил сборщик налогов. – Должно быть очень далеко.

– Месяца три пути.

– Нет... наши так далеко не плавают, – почесал он кончик носа длинным гусиным пером. – И что госпожа Вейм собирается делать в Таммивиле?

– Мне пришло приглашение на свадьбу леди Эоланты Таммивильской.

– Что-то припозднились вы на свадьбу. Эоланта уж года три как Косвильская. Ужно второго ребенка ждет от лорда Джеймса.

– Какие-то проблемы? – Спросил Хаген, видя как лицо Вейм приобретает хищное выражение. Языка экси, на котором говорило население этих земель, Хаген не знал. Так уж получилось, что на нем разговаривали только Вейм и Ирсен.

– Знаешь Хаген, – не меняя выражение лица, ответила ему на языке драго Вейм. – Твоя мама хотела шубку из такого зверька, который в изобилии водится в наших северных землях. Если мне не изменяет память, местные жители называют его песцом. Так вот, один из этих зверьков подкрался. Большой и толстый подкрался, а мы его не заметили.

– Что Вы хотите сказать, госпожа Вейм? – Не понял ее Хаген.

– А то, что мы опоздали на свадьбу моей сестры на три года. И я, наконец, поняла, почему мне родные не написали за шесть лет ни одного письма.

– Все равно ничего не понимаю!

– Все письма, приходившие мне из дома, оказывались у Маа. Даю руку на отсечение, что они до сих пор хранятся в ее секретере, перевязанные ленточкой. Когда понадобилось вытащить меня из Драгонхолла, Маа просто подбросила мне одно из них. А я-то обрадовалась: первое письмо за шесть лет! Вот же ж стальная змея!

– Дракон... – Машинально поправил ее Хаген. – И что мы будем делать?

– Погоди, сейчас разберемся, – проговорила она на драго, языке, на котором разговорила шесть последних лет. – Уважаемый, сколько стоит остановиться в порту на день? – Спросила девушка, переходя на экси.

– Ну, – протянул сборщик налогов. – Вы не местные и команда большая... одним словом, никак не меньше серебряного.

Вейм положила на стол блестящую монетку с изображением драконьего профиля. Проверив чистоту металла на зуб, чиновник положил её в кожаный мешочек.

– А этот серебряный, Вы получите, если снабдите меня картами и информацией, – проговорила Вейм, бросая на стол еще одну монетку. Серебрянный подпрыгнул, кувыркнулся несколько раз, стукнувшись об оловянную чернильницу, остановился и, сверкая на солнце полированными боками, завертелся волчком.

– Вопросы задавай, – проговорил сборщик налогов, закрывая пухлой ладонью монетку. – А поправить карты – это не ко мне, а к Компе. У него лавка прямо напротив пристани.

– Как поживает лорд Таммивильский? Что случилось в его семье за шесть лет?

– Ну... дочку замуж отдал. Это я уже говорил. Жена у него умерла третья. Вот новую взял, молодую красивую, племянницу лорда Ауренвильского. Дочку вот недавно родила.

– Что ж никак не дождется сына старый лорд? – Фыркнула Вейм.

– Да, не везет бедняге, – махнул рукой сборщик налогов. – Люди болтают, что жена первая ведьмой была. Когда новую жену в дом привел, прокляла его. Прокричала, что не будет у него

сына ни от одной женщины и сбросилась с самой высокой башни замка. Сама-то она успела только дочку родить.

– А где теперь эта девушка?

– Два года назад вести пришли, что сгинула она за морями. А ты случайно не из тех мест приплыла?– Прищурился чиновник.

– Нет, впервые слышу эту историю, – невозмутимо соврала Вейм. – Мой отец был немного знаком с лордом, но очень давно.

– Вейм, что еще говорит этот человек? – Спросил Хаген нетерпеливо.

– Глупости всякие. Говорит, что меня считают мертвой в доме моего отца. Наверно тут тоже Маа постаралась, – отмахнулась женщина. – А как поживают лорды Тинвильские?

– Хорошо поживают. Вот сына женили на Хельке Мянтувильской. Дружно живут, богато. Детишками пока не обзавелись, но новый замок отстроили.

– Первая любовь моя, лорд Тинвильский на дочке соседа женился, – прокомментировала переходя на драго Вейм.– А еще что приключалось? – Спросила она на эксе. – Войны не было? Или мора? Иль наводнений? Иль захватчиков поганых?

– Нет, нет, что Вы, госпожа... Боги миловали. Тихо живем, спокойно.

– Плохо,– проговорила она на драго. – Нет войны – нет работы. Придется устраиваться караванщиками или учиться торговать у старины Ирсена.– Ну что ж спасибо, добрый человек. Где у вас можно картами запастись?

– Прямо у выхода и направо лавка старого Компе, там указатель такой, деревянный. Если хотите посидеть с дорожки, то налево: там своячок трактирчик держит. Эль варит отменный! Да и девочки у него нечего, скажу по большому секрету,– хитро подмигнул он.

– Спасибо,– кивнула Вейм и собиралась было уходить, но, чуть задумавшись, добавила. – И еще... Мы проплывали земли, чуть севернее Хили. Там родник отравленный и пустой лес.

Животный ужас отразился на полном лице сборщика налогов.

– Страшные эти земли. Повезло тебе, что целой выбралась. Пометь это место черным на карте и никогда туда не возвращайся!

– А что там произошло?

– Не спрашивай меня больше. Ступай по своим делам, – замахал руками чиновник.

Вейм попрощалась и направилась в сторону лавки Компе. За шесть лет местность этих земель могла измениться, и карты, которые она еще после свадьбы увезла в Драгонхолл, могли значительно устареть.

– Почему разволновался тот человек?– Спросил Хаген, когда они миновали причалы.

– Спросила его о роднике, – коротко ответила Вейм.

По пути в лавку с картами, они зашли в овощную лавку и винный погребок, потолкались в рыбных рядах и сделали крюк до пекарни с душистым хлебом. На корабль они вернулись только к обеду. Вопреки приказу не покидать судно вся команда стояла на пристани и что-то оживленно обсуждала. Посреди толпы на коленях, опустив голову, стояла растрепанная Илана, рядом, спрятав лицо в кожаный передник Ирсена, рыдал ее сын.

– Что за шум? – Рывкнула Вейм, кидая суму с овощами рядом с Ликаром.

– Странное творится, госпожа. – Ликар ловким движением перебрал суму на борт и начал свой рассказ.– Как только Вы с господином Хагеном ушли, Илана умом повредила: стала метаться и причитать, что «Зло рядом». А потом Ирсен, осматривая борт, обнаружил вот это. – Ликар указал на ровные чуть вытянутые следы на дубовых досках драккара, расположенные у самой кромки воды. Раковины морских моллюсков, облепившие на днище судна, в этом месте были содраны вместе со слоем древесины. – Увидев следы, Илана совсем помешалась: вот уже часа два она сидит так, молясь морским богам. Ни крики, ни уговоры, ни мольбы: ничего не действуют. Попробовали сдвинуть силой: начинала орать, чуть полгорода не сбежалось.

Кинув мешки в драккар, Хаген внимательно осмотрел борт.

– Следы свежие: не больше дня, – мужчина провел рукой по неровной поверхности дерева. – Если бы были в море, сказал, что они принадлежат гигантскому кальмару, но мы уже сутки на мелководье.

– Где день там и два, и нечего сеять панику среди команды. Кальмар прицепился, пробовал перевернуть – не получилось. Протащился с нами до мелководья, где отцепился и уплыл по своим кальмарьим делам.

Она подошла и села на корточки перед Иланой.

– Илана, ты слышишь меня? – Мягко спросила Вейм.

Илана продолжала бормотать слова защитного заговора, перебирая в руках деревянные четки с коряво вырезанными рунами.

– Илана, посмотри мне в глаза, – Вейм убрала с потного лба женщины прилипшую рыжую челку и заглянула глаза.

Из глубины зеленых глаз Иланы, словно сквозь бутылочное стекло, на нее смотрели голубые окантованные белесой каемкой глаза с вертикальными зрачками. Илана запрокинула голову, и Вейм почувствовала, как взгляд проникает под кожу, доставая до костей, как забирается в подкорку мозга пытаясь читать мысли.

– Выходи, я не трону тебя, – прошептала Вейм на древнем языке, разводя руки в приветственном жесте, мысленно представляя руну защиты. Она уже не видела, как в бессилье упала на мокрые мостки Илана, когда над водой показалась украшенная двумя парами рогов зубастая голова на длинной шее. Она не помнила, как оттолкнула Хагена, пытающегося закрыть рукой её глаза.

– Выходи, древний потомок, великого рода, – громко потребовала женщина, воздев руки к небесам.

Дракон, вытащив из воды две пары щупалец, положил их на мостки. Вместо еще одной пары щупалец на переливающихся голубовато-зеленых чешуйчатых боках рептилии зияли не успевшие затянуться шрамы.

– Кто ты, говорящая на моем языке? – Спросил он.

– Я, та, что пришла из Северных земель. Меня называют Вейм, жена Илириха РедДрегана, мать Ингера РедДрегана.

– Давно ...давно я не слышал об этом славном роде. Не слышал я так же, чтобы драконы брали в жены дочерей человеческих, – качнул головой дракон, и с бирюзового капюшона, украшающего острую морду, на мостки полетели крупные брызги. – Давно я не слышал, чтобы со мной говорили на древнем языке. И никогда я не слышал, чтобы на древнем языке говорили люди. Люди, умеющие только пасти коз и что-то блеять на своем гнусном наречии.

– Не все люди одинаковые. В северной стороне они могут слагать баллады и читать древние книги.

– На тебе плащ из кожи моего черного собрата, – проговорил он, внимательно осматривая Вейм.

– Он умер в честном поединке. Боги простили меня за мою победу, – почтительно склонила голову женщина.

– Ты говоришь правильные вещи.

– Отпусти Илану, хозяин воды. Я могу говорить с тобой и без ее помощи.

– Называй меня Стилмат. Это одно из многочисленных имен, что дали мне твои глупые соплеменники. Я разрешаю тебе забирать женщину. Она слаба и безумна: она не нужна мне больше.

– Зачем ты покинул свое озеро и отправился с нами?

– Я устал жить один. Мне скучно и одиноко. Я много лет ни с кем не говорил.

– Мой путь тернист, опасен и лежит в людские земли. Если ты пожелаешь, ты можешь отправиться со мной. Но ты должен обещать, что не будешь показываться пред людьми в своем нынешнем облики. Это их немного беспокоит.

– Я подумаю, – кивнул головой дракон и нырнул в зеленоватую воду залива.

Вейм очнулась от терпкого запаха аммиака ударившего в нос. Она лежала на руках Хагена, а Ирсен усиленно втирал что-то вонючее в виски.

– Дракон, где он?– Прохрипела она, убирая волосатую руку Ирсена от лица.

– А... эта морская тварюга, разнесшая в щепки причал? Наделала шороху и уплыла по своим драконьим делам.

Женщина сделала попытку подняться, и её затрясло, словно от озноба.

– Лежи уж. Не та у тебя кровь, чтобы с драконами на их языке разговаривать, – проворчал Ирсен. – Наворотила ты делов, конечно. Не могла места другого выбрать? Ты б потихоньку... Как поняла, что с Иланой приключилось, шепотком бы нам обмолвилась, мы бы в море вышли, и разговаривай с драконом сколько влезет. А тут ... Эх... – махнул рукой Ирсен.– Причал поломали, суда потопили, людей напугали. Чем расплачиваться будем?

– Ирсен, тут местные на лодочке приплыли. Если, что мы мечи приготовили, да и луки целы, только вчера проверяли. – Перед Вейм появилось обветренное лицо Тарика Смуглого.

– Приваливайте отсюда, – раздался голос, в котором Вейм узнала голос сборщика налогов.

– Мы заплатили за сутки, – хрипло прошептала Вейм.

– Госпожа говорит, дракон не наш – платить не будем!– Зычно крикнул сборщику рыжий Ирсен.

– Не нужны нам ваши деньги. Проваливайте, откуда явились. Много лет Злой дух воды отравлял источники, воровал скот, затапливал наши деревни. Мы бросили все, поля, дома, сады и стада и бежали на юг, и вот уже полвека о нем ничего не было слышно. Но вот приходите вы, и дух воды снова появляется.

– Это водяной дракон. Он безобиден, – прошептала сквозь кашель Вейм.– Питается рыбой.

– Убирайтесь отсюда. Если вы не покинете Хили в течение получаса, мы сожжем корабль, а вас продадим рынку, как рабов, – заорал сборщик налогов.

– Хорошо, мы уходим, – крикнул Ирсен, приказывая людям поднять паруса.

– Вейм, скажи водяному дракону, чтобы тоже уходил... с нами или без нас.

Женщина уже не слышала его: небо, покрытое молочно-белыми облаками, плыло перед глазами, сливаясь с серым полотнищем паруса.

Вейм проснулась уже под вечер. Ласточки маленькими молниями сновали над палубой, лоя последнюю мошкарку, с берега, из-за леса доносился звук одинокого рожка, зовущего скотину с пастбища, а лягушки уже орали в прибрежных заводях. Над медленно плывущем драккарком разносился запах наваристой мясной похлебки. Вейм завернулась в плащ и, медленно передвигая ватные ноги, пошла на запах. Зрение не полностью вернулось: приходилось двигаться на ощупь, угадывая в темных очертаниях знакомые предметы. Ее заметили, взяли на руки отнесли к котелку и выдали тарелку с ужином и деревянную ложку.

– Овощи,– проговорила она принюхиваясь.– Откуда у нас овощи?

– Вы с Хагеном утром принесли с рынка, – услышала она голос Ирсена. – Эррин знатную похлебку из них приготовил. У нас еще кабанятинка осталась со вчерашнего ужина. Так что попируем...

– Пируем-то, пируем, а богам жертвы не принесли,– послышался прокуренный женский голос.

– Ойра, это ты?– Спросила Вейм пытаясь угадать в маленьком силуэте, пахнущем дымом, воском и травами, ведунью.

– Боги все видят. Вот устроимся на новом месте,— проговорил Ирсен, и Вейм услышала треск огнива и почувствовала терпкий запах табака. Табак возили в драконовы земли купцы из-за моря, и стоил он баснословных денег. Лишь жрецы в храмах пользовали его, чтобы побаловать богов, да очень богатые люди. Как его доставала Ойра, было известно только самой Ойре.

– Богов гневить не следовало,— проговорила ведунья, закуривая трубку. – Руны сегодня бросала: пусто. Молчат боги.

– Просто они говорят, что все в наших руках и не стоит их зазря беспокоить глупыми вопросами.

– С тех пор как увидели эти земли, молчат руны,— покачала седой головой Ойра.

– Здесь свои боги, Ойра. Они могут не слышать тебя.

– Боги те же, у них лишь имена другие. Как бы причина не была в другом...

– Если ты о Стилмате, то он безобиден. Он всего лишь водяной дракон. Ты же знаешь: его собратья питаются рыбами и растениями. Единственное, сильный он: запросто может лодку перевернуть.

– Тут не дракон, а что-то другое. Илана говорила о каком-то древнем Зле.

– Спрошу у Стилмата при следующей встрече. Кстати он не объявлялся? И как Илана?

– Илана в порядке, только не помнит ничего, а Стилмата после Хили никто не видел. Как бы глупости не наделал наш дракон,— задумчиво ответила Ойра, пуская ровные колечки.

– Не только дракон у нас на глупости мастак, – заметил Ирсен. – Кое-кто сегодня дров тоже наломал. Кровь у тебя не та, чтобы с Древними общаться. Язык драконий любой дурак выучит, а вот разговаривать на нем не все могут. Вишь, еле ползаешь после беседы.

– Я быстро восстанавливаюсь...

– А если нет? С драконом говорить вздумала. Если бы силенок не хватило? Если бы ушла к мужу и сыну? Ты об остальных подумала?! На местном наречии разговариваем и читаем только мы с тобой. Остальные не знают ни языка, ни обычаев этих земель. Покровителей у них нет. Да, их учили воевать и выживать, но сейчас не война, и они никому не нужны. Эти люди пошли за тобой из Драгонхолла, и ты за них отвечаешь. Так будь же добра постарайся не умирать хотя бы до того как мы устроимся на этих землях.

– Они добровольно пошли за мной. Их никто насильно сюда не тянул.

– Да они пошли за тобой добровольно, но они избрали тебя командиром и не мне говорить тебе об ответственности. Понимаю, ты привыкла рисковать, но здесь не Драгонхолл, где на место одного упавшего могут встать двое, и в случае твоей смерти Маа что-нибудь придумает. У нас нет лишних людей, и каждый на счету.

– Ирсен прав, – проговорила Ойра, длинным ногтем приминая табак. – Для этих людей ты и Стальная Маа, и Королева Вейм в одном лице. Ты смелая и сильная, теперь нужно стать хитрой и изворотливой.

– Хорошо, я подумаю над этим вопросом, – поджала губы Вейм. – Ты с картами разобрался?

– С картами то все хорошо: вроде бы верные. Уже решила, что будешь делать, когда попадем в Таммивиль?

– Верну отцу приданое и попрошусь обратно в отчий дом, а там как повезет: если удача улыбнется, то выпрошу у него клочок земли и обоснуемся там, а если нет – будем думать.

– Только помягче с родственниками: скажут что неприятное, лучше промолчи, потом свое возьмешь. С мачехой своей полюбезней: не надо сразу ей говорить, что она, стерва-курва, занимает место твоей матери. Отцу не перечь: ты в этих землях не Вейм Тяжелая Рука, а Вейм Таммивильская, дочь старшая лорда Эрика Таммивильского.

– Вейм РедДреган, – поправила его девушка.

– РедДреган вы бы стали, ты если бы госпожа Маа разрешила вписать вас в древо рода в красной книге, – заметил Хаген.

– Я РедДреган не крови, но по духу. На моей могиле будет написано: «Здесь лежит прах Вейм РедДреган, жены Имриха Храброго и мать Ингера Несчастливого».

Ойра укоризненно покачала головой.

–Иди-ка ты лучше спать,– проговорил Ирсен. – Завтра будет трудный день. Еще один трудный день.

– Радуйся Ирсен. У нас будет еще один день, – улыбнулась Ойра, обнажая желтые треугольные зубы. – И благодари богов, ибо многие, кого мы знали, этого лишены.

– Ты как всегда права, ведьма.

– Как твои глаза, Вейм? – Спросила Ойра.

– Вроде бы в порядке. Зрение вернулось.

– Ну, вот и славно. На, выпей,– ведунья протянула открытый прозрачный пузырек с мерцающей малиновой жидкостью. От зелья пахло чем-то притворно сладким.

– Что это? – Спросила Вейм, приняв хавшись к бледно розовому дымку, исходящему от пузырька и мгновенно рухнула на скамью. Ирсен аккуратно положил спящую девушку, вытащил деревянную тарелку из ее рук и прикрыл шкурой.

– Ойра, у тебя не нашлось зелья послабже?

– Чем богаты, тем и рады,– усмехнулась женщина, закупоривая пузырек пробкой. – Кровь молодого василиска, смешанная с белладонной – лучшее средство для того чтобы заснуть. Принимать по капле за пять мгновений до сна.

– Ах ты, старая ведьма,– рассмеялся он.

– Ну не совсем и старая и совсем не ведьма, – подмигнула женщина.

– Может это... тогда трянем стариной, а?

– Смотри, чтобы старина не отвалилась, черт рыжий! – Рассмеялась женщина, вставая. – Да даруют тебе боги крепкий сон, – поклонилась она на прощание.

Ирсен усмехнулся. Впервые он встретил Ойру много лет назад, когда попал к Старому Якобу водившему корабли по Морю Чудовищ, что омывает западные берега драконовых земель. Пять месяцев команда пирата грабила суда купцов с юга, перевозившие дорогие пряности и благовония, изысканные шелка, тонкие словно облачко, оружие из темно-синего металла перерубающее стальные мечи, словно бумагу, и рабов всех цветов кожи. Когда трюмы были полны денег, а запасы воды и еды подошли к концу, они возвратились в Порт Бурь, один из пиратских портов западного побережья. Ирсена, служившего юнгой, отправили поблагодарить богиню судьбы за богатую добычу. Никогда ранее парень не видел столь великолепного храма. В северной рыбацкой деревушке, где родился рыжий Ирсен, был только сложенный из грубых булыжников алтарь, на котором местные шаманы жгли лесные ягоды, ветви омелы и можжевельника, да резали барашков на день Солнцеворота. Подойдя к храму, он как зачарованный почти час простоял на ступенях желтого мрамора, разглядывая высокие, в несколько человеческих ростов, колонны, коней колесницы богини судьбы венчавшей здание, медные скульптурки змея Уробороса, служившие ручками на массивных, обитых бронзой храмовых дверях, а вокруг текла пестрая река людей всех возрастов, национальностей и религий. Он мог простоять так до вечера, и, вернувшись ни с чем, получить взбучку от капитана, если бы его не окликнула девушка-послушница в старой, но чистой серой хламиде. Закончив омовение ног богини Удачи, она уже полчаса, не таясь, разглядывала ошалевшего от божественной красоты юнгу.

– Ей мальчик, – сказала она, бросив тряпку в жестяное ведро.– Если ты пришёл поблагодарить богов, ступай за мной.

Ирсен смутился. В его деревне женщина, даже жрица, не могла первой заговорить с мужчиной, даже если ему всего двенадцать лет.

– Что стоишь, отрок, словно язык проглотивши, – проговорила девушка, поправляя съехавший на глаза капюшон и, взяв покрасневшего от смущения Ирсена за руку, провела его в храм.

Из всех служивших в храме, Ойра была самая младшая, и одежда, которую ей приходилось донашивать за старшими послушниками, была всегда велика. Но Ойра никогда не жаловалась. Она считала храм родным домом, а служивших там людей – братьями и сестрами. Ойра была подкидышем: в один из морозных зимних дней, когда даже море Чудовищ покрывается у берегов тонкой корочкой льда, её, завернутую в старые тряпки, нашли на главной лестнице храма, в старой корзинке из-под рыбы. Однако ей не суждено дожить до преклонных лет в храме, гадая по полету птиц, выпекая печенье с предсказаниями или оттирая медные курильницы от сажи. Девушке едва исполнилось двадцать, как с запада приплыли корабли с черными, как сажа, парусами и сожгли Порт бурь. Выжившие после резни попали на невольничьи рынки. Однако, боги сжалились над сиротой: вместо портовых борделей или сахарных плантаций она попала на корабль старого Якоба и много лет проплавала с Ирсеном, Эррином Толстым, Ликаром Примани Ветер и Тариком Смуглым одной рукой сжимая кривой абордажный меч, другой мешочек с гадальными костями.

Солнце медленно поднималось, когда на правом берегу показались каменные стены Мянтувиля. В отличие от спрятавшегося в морской бухте Хили, Мянтувиль располагался на холме. На самой макушке стоял замок, в котором проживало семейство лорда, военный гарнизон и многочисленная прислуга. Дальше располагались городские кварталы, защищенные от бродяг и соседей лорда каменной стеной. С воды хорошо были видны покрытые черной краской деревянные крыши дозорных башен. Из-за подновленных городских стен виднелись крыши храмов и колокольня городской ратуши, служившая ко всему прочему еще и пожарной каланчей. Выхода из города было два: один выходил к порту, другой с западной стороны стены – на тракт. На ночь ворота запирались, но сегодня, не смотря на ранний час, они были открыты.

– Что-то не так? – спросил Хаген. – Я думал, мы будем коротать утро под стенами, дожидаясь окончания утренней молитвы.

– Король приехал, – ответила Вейм. – Видишь, крыши подновили, и флаги на ратуше вывесили.

– Не знал, что у вас тоже есть король.

– Наш король – это немножко другое, нежели в драконьих землях. Там все принадлежит Совету Родов, а король лишь военный вождь. Только люди из рода РедДрагонов могли стать королями. Здесь же король – владетель всех земель, а лорды лишь номинальные ее держатели. Они подтверждают свое право иметь землю, служа в королевской армии или оказывая ему почести. Вотчину у лорда можно легко отобрать и передать другому, более лояльному представителю рода.

– Но если король слаб, его свита может вертеть им и королевством, – задумчиво проговорил Хаген.

– Быть слабым очень вредно в наше время вне зависимости от статуса. Так... Раз король здесь, значит и отец с сестрами тоже здесь. Иди, Хаген, доставай моё приданое. Сегодня ты узришь позорное возвращение блудной дочери.

– Вейм, – укоризненно проговорил Ирсен. – Помни, о чем мы вчера говорили, и постарайся вести себя благоразумно.

– Я помню, Ирсен. Но у меня вряд ли получится: роль кающейся дочери не для меня. К тому же, среди разодетых сестриц я буду смотреться как черная ворона.

– Ну, если они будут разодеты в такой час, то только в пижамы и ночнушки: время раннее, и нормальные люди еще нежатся в теплых постельках, – усмехнулся Ирсен.

– Да... незванный гость, да еще с утра, хуже иноземца. Может у отца с утра будет настроение лучше, если его разбудить пораньше... – Попыталась улыбнуться Вейм.

– О да... Если король в городе, значит, они домой вернулись далеко за полночь. Вейм, помнишь себя с утра, когда после возвращения из похода поднимали? Твой оруженосец в комнату боялся входить. Я никогда не видел твоего отца, но, думаю, норы у него будут покруче твоего.

– Может подождать до обеда?

– Ты боишься встретиться с отцом, а Вейм? – Положив на плечо девушки тяжелую мозолистую ладонь, усмехнулся рыжий Ирсен.

Вейм вздохнула.

– Ничего... ничего. Ойра всю ночь молила богов о помощи, так что все будет хорошо. А вот и Хаген с сундуком!

– Я возьму Хагена, и близнецов Мартти и Матти, Олли Долговязого и Отти Оруженосца. Остальные останутся на корабле.

– Захвати Ойру. Ведунья не помешает.

– Нет. Моему отцу не стоит знать, что у нас есть люди, говорящие с богами. А теперь слушай наказ. Придут за налогом на стоянку: расплатишься. В город пока не выходите. Как будет что-то известно, отправлю Отти.

– Ну что ж, тогда да помогут тебе Богини Судьбы.

– Да будет так, – Вейм кивнула на прощание и накинула капюшон.

Женщина спустилась по трапу. Миновала портовых рабочих, перетаскивавшие тяжелые токи с тканями с торгового судна на телеги, запряженные взмыленными лошадьми, кучку портовых пьяниц самозабвенно режущихся в карты, двух ругающихся трактирных девок и, смешавшись с толпой грузчиков, чернорабочих, матросов, и паломников миновала ворота. Охрана ворот тщательно досматривала повозку с вином, управляемую толстым монахом в коричневой рясе, настоятельно требуя от него проездные документы в виде фляжки старого доброго монастырского вина. Святой отец в ответ на плохо скрываемые просьбы выдать немножко винца отчаянно ругался, как пьяный боцман, но движимые похмельем солдаты были настойчивы. Видимо, не только благородные господа праздновали приезд короля. Группку из шести человек в серых плащах с носилками, на которых под тряпьем лежал кованый сундук, так никто и не досмотрел.

Город спал. Его узкие кривые улочки змейками извивавшиеся от городской площади до замковых ворот были тихи и пустыньны. Дом, которым владела семья Вейм, находился рядом с замком, подальше от городской площади с ее толчеей и рынком, ремесленных кварталов, складов, квартала удовольствий и пропахшего рыбой порта, поближе к остальным родственникам. В этом доме постоянно жила одна из теток Вейм, Эйтель Прекрасная, несмотря на всю свою красоту и всеобщее обожание так и не вышедшая замуж. Сей факт, несколько не смущавший ветреную Эйтель менявшую любовников как перчатки, служил постоянным предметом скорби для остальных родственников. Все женщины из рода Эрика Таммивильского жалели «несчастную» Эйтель и, останавливаясь у нее погостить, обязательно ставили свечи во всех местных храмах, чтобы боги даровали ей хоть какого-нибудь мужа.

– Заперто, – проговорила Вейм, постучавшись в низенькую, практически с нее ростом, дверь. – Придем попозже.

– Спят, наверное, – пожал плечами Хаген и забарабанил в дверь рукой одетой в тяжелую кованую перчатку. – Теперь нет.

За дверью завозились.

– Ктоооо таааам?

– Открывайте... гости. Мы хотим видеть лорда Таммивильского.

– Добрые люди в такое время по гостям не ходють... Убирайтесь откель пришли... Лорд поздно спать лег и раньше обеда не встанет, – раздался из-за двери визгливый противный голосок.

– Как звать тебя, несчастный.

– А тебе какое дело? – Донеслось из-за двери.

– Чтобы знать, что на могилку начертать, когда мои люди пришибут тебя, выбив дверь, – рявкнула Вейм. – Если лорд Эрик Таммивильский спит, позови леди Эйтель.

– Нетути... госпожа в гостях.

– Может, тогда позовешь кого-нибудь из его свиты: оруженосца лорда, его советника, кого-нибудь из дочерей лорда.

– Не могу... Спят все...

– А ты что не спишь? И где охрана?

– И охрана спит, хорошо вчера погуляли, а у меня бессонница, и мне пить нельзя: у меня желудок больной и печень. А еще знахарь сказал, что брюшина слабая: еле кишки держит. И вот коленки по ночам трясутся, когда кости ломит, а еще нервы и падучая, да и глаза к старости косить начали, когда нос сломали, да и волосы выпадают с зубами, потому что соседка – ведьма к колдунье ходила, вот и заговорили меня.

Прошло несколько минут, но поток стенаний все нарастал, превращаясь из тонкого ручейка в гроыхающий водопад. Начиная с жалоб на здоровье, собеседник прошелся по всем соседям, потом перешел на их детей, воровавших у него молоко и пачкавших свежестиранные панталоны, пожаловался на прохудившиеся башмаки, злодея – булочника постоянно подсовывавшего вчерашний хлеб, жену, отравившую его несвежим бульоном, и хозяйскую кошку нассавшую ему в башмаки. Вейм бил нервный смех, сквозь который она дословно переводила речь жалобщика. За много лет путешествий и приключений Вейм встречала только одно столь обиженное жизнью и окружающими существо.

– Аввундий? Ты ли это? – просила Вейм, когда человек остановился перевести дух.

– Яяяя... – протянул он.

– А что у тебя с голосом?

– Да... дверью прищемили седьмого дня... А откель ты меня знаешь?

– Аввундий, это я, Вейм.

– Не морочьте мою больную голову. Вейм уже два года как умерла, и мы регулярно просим богов позаботиться о ее беспокойной душе.

– Аввундий, если не откроешь, скажу твоей хозяйке, кто семь лет назад отравил ее болонку.

– Это не доказано! – Возмутились за дверью.

– Еще скажу соседям, – заговорщически прошептала Вейм, – кто кидает репейник в кувшины с молоком, общипывает цветы в горшочках и обливает придверные коврики мочой из городского нужника.

– Не доказано! – Из маленького окошечка высунулась костлявая рука с кукишем. Обратно затянуться она не успела. Ловким движением Вейм перехватила руку и резко потянула к себе, заставив владельца впечататься в дверь с другой стороны.

– Будешь орать, сломаю так, что ни один костоправ не поможет! Живо открывай!

За дверью раздалось возмущенное всхлипывание, скрип связки ключей и скрежет открываемого замка. Только, когда дверь открылась, и спутники Вейм вошли в низенькую прихожую, она отпустила Аввундия.

– Ну что, Аввундий, здравствуй, – проговорила она, вправляя ему вывихнутое плечо.

– Леди Вейм... – проговорил мужичонка, ошарашено вращая огромными от изумленья глазами, из-за чего стал похож на облезлую худую сову. – Как же это то... Надолго Вас с того света отпустили?

– Навсегда. Отправили на землю нести благодать и добро, – проговорила Вейм, сложив на груди руки в молитвенном жесте.

Лицо Авундия вытянулось в изумлении.

– Да живая я, а слухи о моей смерти – просто неудачная шутка. И не умирала я никогда. Буди отца, поговорить с ним хочу.

– А это кто, ангелы? – Спросил он, кося правым глазом на одноглазого Хагена.

– Нет. Гости.

– Гости... – протянул задумчиво Авундий. – А у нас охрана спит... и собаки накормлены...

– Авундий, не испытывай мое терпение. Я хочу видеть отца.

– Пооонял... – протянул Авундий, и лицо его просияло, словно на него сошло божественное озарение. – Вас на сутки с того света выпустили, с родными попрощаться, а это провожатые ваши. Не волнуйтесь госпожа Вейм. Сейчас подниму лорда ради такого-то дела. Дочь на день отца повидать вернулась!

Одновременно жалуясь на жизнь, извиняясь за то, что не узнал, восхваляя всех богов и расспрашивая о тонкостях загробной жизни, мужичок провел их через маленький внутренний садик с бассейном, в котором среди цветков лотоса плескались алые карпы. Затем, они поднялись по деревянной галерее на второй этаж, где Авундий долго гремя связкой бронзовых ключей, отпер одну из дверей. Всхлипывая, причитая и бормоча под нос что-то нечленораздельное, он отправился будить лорда Эрика, оставив Вейм ждать в небольшой комнате.

Эта маленькая комната, обитая зеленым бархатом, служила леди Эйтель кабинетом, в котором она принимала только очень важных посетителей, чей визит, однако, не был связан с сердечными поручениями. Обстановка отличалась как от кабинетов лордов этих земель, так и от приемных комнат Драгонхолла. Вместо деревянных скамей стояли обтянутые зеленым, в тон обоям, бархатом стулья, вместо кованых сундуков и громоздких безликих секретеров – изящные шкафчики с книгами и свитками, вместо дубовых столов – резной стол с ящичками, обитый дорогим зеленым сукном. На стенах комнаты не висело огромных гобеленов со сценами из битв, военных трофеев, тонны оружия или ключей от взятых городов, только портрет хозяйки в полный рост, на который падали лучи из выходящего на улицу оконца. Едва заметные цифры в углу сообщали, что портрет был написан два года назад, когда хозяйке исполнилось двадцать семь. Однако надпись была сделана поверх хорошо замазанной старой, скорее всего скрывавший истинную дату написания портрета и возраст хозяйки. Память подсказывала Вейм, что тетушка Эйтель была ровесницей третьей жены отца, а значит черноокой бестии, с мраморным цветом лица, алыми, точно кровь губами, и длинными черными выющимися волосами на данный момент было никак не меньше тридцати семи.

– Она в жизни так же выглядит? – Спросил Хаген, с трудом оторвавшись от портрета.

– Не удивлюсь, если лучше. Хаген, здесь не Драгонхолл. Здесь женщины не носят мечи и не сражаются плечом к плечу с мужьями. Нас не учат управляться одинаково хорошо с прялкой и дротиками, а лук мы видим только в салате. Здесь женщина служит для удовольствия, а не в качестве боевой единицы. Нас учат готовить, а не варить противоядия от слюны мантикоры. Здесь дамская собачка – это мелкая прыгающая муфта, а не волкодав способный менее чем за десять минут разорвать на куски любого.

За дверь послышались тяжелые мужские шаги и еще одни шаркающие, похожие на стариковские.

– Ну, если ты посмел разбудить меня так рано из-за пустяка! – Раздался за дверью мужской бас, и дверь распахнулась, едва не вылетев из петель.

– Здравствуй, папа.

– Здравствуй... Вейм... – тихо проговорил он, захлопывая дверь перед самым носом Авундия едва не прищемив его. Он быстро подошел к столу и начал нервно подергать ящики, пытаясь их открыть.

– Не думаю, что Эйтель держит тут вино, заметила Вейм.

Мужчина растерянно кивнул.

– Авундий, песий сын! Неси вина!

– Госпожа Кира не велела подавать Вам хмельные напитки до обеда, – высунулся из-за двери Авундий.

– Ты кому служишь мне или моей жене? – Взревел Эрик Таммивильский. В дверь полетела глиняная вазочка – Живо тащи, иначе вылетишь с моего двора, бездельник!

Авундий исчез, успев закрыть дверь раньше, чем фарфоровое чудо разбилось о кованую поверхность двери. Ваза разлетелась, а часть осколков застряла в узорах прокрывавших дерево причудливой вязью.

– Я ж за тебя во всех храмах свечки ставил. Сестры пережевали... – проговорил он, медленно опускаясь на кресло. Вейм заметила, как руки отца дрожат от волнения. – Два года назад у северных берегов разбилось судно с черными парусами. Из команды спасся только один человек. Несчастный прожил всего три дня: умирая, он передал, что ты и твоя семья погибла.

– Да, мой муж и сын действительно мертвы, но я, к сожалению, еще жива. Что было изображено на парусе этого судна?

– Какая разница...

– Если это на черном полотнище был осьминог, то вам крупно повезло: это был корабль-разведчик Черного короля. Если бы он вернулся на Огненные острова, то через полгода у ваших берегов уже стояла хорошо вооруженная эскадра.

Дверь заскрипела, и на пороге появился Авундий с двумя бочонками красного под мышками и бронзовым кубком. Лорд одним движением вырвал бочонок, выбил дно и залпом выпил.

– Да какая разница, кто он был и откуда. У него была твоя цепочка, – рявкнул Эрик, вытирая усы рукавом красного шелкового халата. – Твоя цепочка... с твоим камнем. Та, которую мать тебе на пятнадцатилетие подарила. Голубой прозрачный камешек на серебряной цепочке.

– Этого не может быть... – Покачала головой Вейм. – Я его в могилу сына положила. Ингеру очень нравился этот камень. Ты бы видел, как он улыбался, когда камень переливался на солнце и бросал лучики на деревянную спинку кровати. После смерти Ингера камень позеленел и стал матовым. Верховная жрица сказала, что душа камня умерла вместе с ребенком.

Эрик сорвал кожаную ладанку, висящую на шелковом шнурке на груди, и вытряс содержимое: на зеленое сукно упал мутный бело-зеленый граненый камешек в тонкой серебряной оправе.

– Он? – Спросил отец, залпом осушая бокал заботливо наполненный Авундием.

Вейм осторожно, словно амулет был сделан из хрупкого стекла, взяла его в руки и поднесла к глазам. Хотя полированная поверхность ныне была покрыта царапинками и трещинками, а оправка и цепочка почернели, на серебре все еще виднелась старая гравировка. "<...>повержено, но не мертво. Имя ему<...>Помни<...>всегда", гласили едва заметные рунические символы, начертанные на потемневшем металле.

– Откуда здесь амулет твоей матери? – Удивленно спросил Хаген.

– Мне тоже хочется это знать.

– Твой новый муж? – Скривился Эрик, указывая пустым кубком в сторону Хагена. – Что-то какой-то он у тебя жизнью порченный.

– Нет, советник.

– Для советника сойдет. А эти?

– Отти – оруженосец, а остальные мои люди.

- Что-то мало их, – усмехнулся Эрик.
- Остальные остались в порту.
- Остальные? И много вас? – Ухмыльнулся Эрик.
- Двадцать три человека. Все, кто согласились сопровождать меня в моем путешествии.
- Не густо. Авундий, иди, принеси-ка еще выпить, – проговорил он, выливая остатки вина на дубовый паркет. – У нас тут долгий разговор намечается.
- Может быть, хватит вина на сегодня? Утро только началось, а ты уже два бочонка умял, да и Эйтель не оценит, если ты зальешь ей пол дешевым пойлом.
- Почему же дешевым?
- Хорошее вино Эйтель хранит в отдельном погребе. Не думаю, что у тебя есть ключи от него.
- Только приехала, а уже пытаешься читать мне нотации, лучше прикажи кому-нибудь из своих людей, постоять за дверь, – проговорил он, переходя на шепот. – У Авундия длинные уши, а мне сплетни не нужны. Да и скажи уже своим молодцам поставить сундук на пол. Они ребята крепкие, но я в свое время себе спину сорвал, передавая его твоему мужу.
- Отти, постой за дверь. Проследи, чтобы Авундия во время нашего разговора рядом не было. Пусть принесет вино и проваливает, а не греет уши за дверь. Мартти, Матти, Олли поставьте сундук.
- Они понимают нас? – Спросил отец, когда приказ Вейм был выполнен.
- Увы, нет, – покачала головой женщина.
- Замечательно, – проговорил Эрик, мгновенно трезвея. – Я не знаю, что там произошло и не хочу знать. Судя по тому, что ты притащила свой сундук с приданным, тебя выгнали, но знать об этом никому не обязательно. Ты говоришь, что твой муж умер: пусть будет так. Можешь ты поклясться костью своей матери, что это так и ты не имеешь к этому никакого отношения?
- Папа!
- Что папа... Я тебя слишком хорошо знаю. Не думаю, что ты сильно изменилась. И я очень хорошо помню, что мне пришлось выдать тебя замуж против твоей воли, за лорда из дальних земель, потому что окрестные лорды отказывались на тебе жениться. Можешь на меня обижаться, но я сделал это ради нашей семьи. Пока не выйдет за муж старшая дочь, младшая не смеет даже грезить о свадьбе. Таковы древние обычаи, и мы должны их соблюдать. Твой муж оказал нам великую услугу, взяв тебя в жены.
- В этом ты можешь быть спокоен: я не имею отношения к смерти Илириха РедДрегана, и как любящая жена скорблю о его смерти. Все меняется, отец, и я в том числе.
- Что ж, – вздохнул Эрик. – Дай ты бог, если так. Добро пожаловать домой, дочка. Дай я тебя обниму! Тебе я думаю лучше не задерживаться в Мянтувиле, а сразу отправиться в Таммивиль. – проговорил он, крепко обнимая дочь. – Ты на чем добралась до Мянтувиля?
- На драккаре, – прохрипела Вейм даже не пытаясь вырваться из крепких отцовских объятий. Несмотря на почтенный возраст, отец спокойно гнул подковы, метал тяжелые боевые топоры, ходил в походы, осушал бочку вина на спор, ломал мебель, и участвовал в турнирах. Одним словом, Эрик Таммивильский вел весьма насыщенную жизнь, и сил его вполне хватало, чтобы неверным движением сломать ребра.
- Хорошо. Я напишу письмо. Отправишься в Таммивиль, там тебя встретят. Дождешься моего приезда: там решим, что делать с тобой и твоими людьми. А пока вам лучше не мелькать в Мянтувиле. Вейм, ты пойми меня правильно, – добавил он, видя, как изменилось лицо дочери. – Я не пытаюсь от тебя избавиться. Вейм, ты моя старшая дочь и тебя люблю, но у меня есть еще дочери, которых нужно выдать замуж и чем раньше, тем лучше. Одно твое появление, и мое доброе имя, которое я восстанавливал шесть лет, опять обрстет сплетнями. Так что, раз уж вернулась: будь добра вести себя прилично, – обнимая дочь, проговорил Эрик.

– Хорошо, папа, – прохрипела девушка. На миг ей почудилась, что она услышала треск ребер под кольчугой.

– Вина, господин? – За дверью послышались звуки борьбы, и показалась плешивая голова Авундия.

– Тебя, песий сын, только за смертью посылать! – Рывкнул Эрик, разжимая стальные объятия. – Стол собирай – завтракать будем!

– Так меня этот... – Авундий хотел выругаться, но, взглянув на Хагена и Вейм, осекся, – мальчишка этот не пускал. Я говорю: “к господину иду с вином”, а он головой мотает: не понимает, дескать. Дурной видимо или немой. Я ему снова: “пусти, говорю, небом обиженный”. А он хватить за шкирку и не отпускает: еле порвался. Тунику вот мне порвал, окаянный!

– Марш на кухню! Скажи, чтобы завтрак накрывали! – Рывкнул Эрик, прерывая словесный поток Авундия.

– Отец, можно я заберу амулет?

– Он твой, – пожал плечами Эрик. – И постарайся больше его не терять. Ладно, дочка? Он был очень важен для Веспер, не знаю уж почему.

Вейм кивнула.

Завтрак в доме леди Эйтель Прекрасной начался раньше обычного. В большом зале слуги неторопливо накрывали длинный деревянный стол, разносили бронзовую посуду, подносы с едой. В центре стола сидел Эрик. Его новая жена Кира из-за рождения дочки осталась в Таммивиле, поэтому по левую руку от него сидела Эйтель Прекрасная, хозяйка этого дома. За то время, пока Вейм не видела её, женщина не постарела, а повзрослела, приобретя зрелую красоту взамен очарования юности. По рядом с ними сидели сонные дочери с зелеными от вчерашних возлияний мужьями. Они попеременно зевали и недоуменно спрашивали друг друга, какой недобрый сон заставил Эрика встать пораньше и почему другие должны из-за этого страдать. Рядом с ними группкой сидели внуки лорда Таммивильского. Монотонно, словно живые куклы, размазывая кашу по тарелкам деревянными ложками, они умудрялись заодно испачкать скатерть, суетящуюся нянюшку поджарых охотничьих псов, выпрашивавших подачки, слуг и даже деда. Чуть далее, сидели прочие родственники милостиво допущенные к столу. Вейм выделили место в уголке стола между подслеповатой теткой, пятиюродной сестрой одной из бывших жен Эрика Таммивильского и заспанными менестрелями. Менестрели пытались что-то брэнчать на лютнях, но решив, что на годный желудок и соловей не поёт, принялись за поросенка. Спутников Вейм отправили завтракать со слугами на кухню. Вейм молча ела, мысленно благодаря богов за завтрак, не забывая при этом прятать часть еды в сумку. Вино до края стола не доходило, пропадая где-то на середине пути. Менестрели разговлялись припасенной с вечера медовухой и пытались спойть Вейм. Однако женщина, не поддаваясь на уговоры, пила лишь воду. Она уже собираюсь тихо покинуть свое место, осушив напоследок предложенный бокал с медовухой, как на желтой поверхности напитка показалось изображение головы Стильмата. Подмигнув голубым глазом, дракон качнул рожками и исчез, оставив на дне бокала всего лишь каплю пенного напитка.

– Леди Вейм леди Вейм, – окликнул ее звонкий детский голосок.

В наполненном прежде гулом зале стало тихо, словно в склепе.

Вейм встала. К ней подбежал босой мальчик лет пяти в грязной рубахе и порванных штанах.

– Леди, Вейм, в порту пожар. Ваш корабль сгорел, – протараторил он, не успев отдышаться. – Корабль ваш сгорел. – Он протянул грязную ручку, требуя вознаграждения.

– А люди?

Мальчик пожал плечами.

– Хочешь получить еще серебряный? – Кинула ему монетку Вейм.

Мальчик кивнул русой головой.

– На кухне найдешь советника Хагена, скажешь ему: «Вейм каски сеурата миниа», – спокойно проговорила она. – И проведешь в порт. Я буду вас там ждать. Запомнил?

Мальчик кивнул и скрылся в одной из узких боковых арок, ведущих в другие помещения дома. Вейм спокойно, словно ничего не произошло, стала из-за стола, вытерла руки о скатерть и, не обращая внимания на любопытные взгляды, направилась к двери.

– Вейм?! – Рывкнул Эрик.

– Приятного аппетита, папа, – обернулась Вейм и, почтительно кивнув головой, вышла из зала.

Из дома Вейм выскочила, словно ошпаренная. Было позднее утро. Улицы были полны людьми, повозками и животными. Едва не сшибая прохожих, Вейм неслась по узким улочкам. Когда она, запыхавшаяся, добежала до порта, было уже поздно: на том месте, где над водой поднимался причал, плавали догорающие доски, солома, обрывки парусины, бочки, обломки мачт, горелые тушки крыс и ошметки рыбы. Серый пепел летал в раскаленном воздухе, мешаясь с вонью горелой древесины, тухлой рыбы, намокшей ткани и паленого мяса. Люди бегали, пытаясь тушить охваченные огнем таверны и склады. Среди мусора, плавающего в грязной мутной воде, Вейм разглядела обугленную фигурку дракона, прежде украшавшую нос драккара. Женщина, вцепившись в черные деревянные бока, вытащила ее на горячий каменный пирс.

– Оставь, её Вейм. Она уже отплавала свое.

Девушка оглянулась, не выпуская из рук дракона. Рядом стоял Ирсен. Усы его были опалены, в бровях застряли частички пепла, но одежда, сшитая из драконьей кожи, не пострадала в огне.

– Что с людьми?

– Не волнуйся – все вроде целы. – Даже ожогов нет.

– Что произошло? Нас не было часа два – три, не больше.

– Да я и сам ничего не понял, – пожал плечами мужчина. – Налетел сильный ветер с реки. Потом появился огненный смерч и все вокруг запылало. Едва людей успел спасти, а все добро: шелка, меха, пряности, все вспыхнуло, как бумажка. Что с собою было унести – унесли, остальное на дно ушло.

– Ну, если все живы, – грустно улыбнулась Вейм. – Прорвемся, не в первой. Оружие успели взять?

– Да и денег маленько: на первое время хватит, – подмигнул Ирсен. – Старый пират не пропадет. Пойдем к нашим. Ты-то как: батю повидала? – Спросил он по дороге.

– Замечательно. Забрали приданое, в семью приняли. Даже за столом место выделили в уголке, между маразматичкой теткой и бардами-алкоголиками.

– Плохо, – вздохнул Ирсен.

– Да ладно тебе. Зато мне не придется сегодня отплывать в Таммивиль, ибо от драккара только щепки остались. Подожду пока отец уладит свои дела в Мянтувиле и вернусь в родное гнездо уже с ним, – зло усмехнулась Вейм, не выпуская из рук деревянного дракона. – Значит так. По планам у нас завтра турнир лучников, ристалище и прочие развлечения, на которые так мечтал попасть наш благородный Хаген. Кстати, он еще не появлялся?

– Нет еще.

– А Стилмат?

– А вот Стилмату мы должны быть благодарны. Ни с того, ни с сего судно стало раскачиваться, и мы на пирс выползли всей командой, а тут небо заволочло за несколько мгновений, и появился смерч. Мы едва успели за городскими воротами укрыться. Так что, если бы не Стилмат, плавать бы нам кусками горелой человечины.

– Я Стилмата видела за пять секунд до того, как мне сказали, что драккар сгорел. Появился в бокале с медовухой и исчез, – грустно склонила голову Вейм.

Они миновали охваченный пламенем пожара городской порт, городские ворота и свернули в один из узких сырых переулочков огибающих тянущихся вдоль городской стены. Несмотря на предобеденное время, переулок был безлюден. Лишь стайка толстых крыс копошилась в кучке мусора. При виде людей крысы лишь подняли острые мордочки, принялись, но видимо решили, что Вейм и Ирсен не представляет для них опасности, продолжиликовыряться в объедках.

– Подожди, нужно Хагена дожидаться. Мальчишка-проводник его должен в порт привести.

– Если ты об этом мелком белобрысом дьяволенке, которого я послал разыскать тебя, то за них можешь не беспокоиться. Парнишка смысленый: побегав по порту, догадается привести их сюда.

Они остановились у едва заметной узкой двери, над которой весела позеленевшая от времени маленькая медная табличка «Таверна приют паломника». Четырехэтажное здание таверны, как и все дома на этой улочке, было каменным и грязным. На первом этаже размещался питейный зал, на остальных – тесные, словно корабельные каюты, постоялые комнаты, где за медную монетку можно было провести ночь с разбитной портовой девицей или отдохнуть с дороги под скрип кровати соседа, проводящего ночь с разбитной портовой девицей. По мнению тонких ценителей женской красоты, местные девушки уступали ночным бабочкам из Квартала Удовольствий, но на непритязательный вкус матросов «местные были очень даже ничего».

Солнце никогда не доставало своими лучами до булыжной мостовой, поэтому в таких переулках всегда был полумрак. Застройка в Мянтувиле была плотной: дома прижимались друг к другу, борясь за каждый сантиметр городского пространства, а нависающие балконы превращали и без того узкие улочки в туннели. В городе опасались пожаров, поэтому указами было запрещено строить деревянные дома или крыть крышу соломой. Так же, по городским законам, было запрещено выбрасывать мусор на улицу и справлять нужду вне отхожих мест, однако в переулке отчетливо чувствовался запах сырости, человеческой мочи и тухлых помоев, а так же доносившийся из порта запах гари.

– Паломники? – Удивленно вскинула бровь Вейм. – С какого это времени мы паломники?

– С сегодняшнего утра, – хитро подмигнул Ирсен. – Наш скарб паломничий сгорел. Подорожные тоже. Начинаем жизнь с чистого листа. Кстати, хламиды я уже добыл.

– Вот ты мне скажи, на кой ляд я тогда к отцу пошла, а? Я ж знала, что мне ничего не светит!

– А вдруг бы батя расчувствовался и одарил несметными богатствами да титулами громкими, и еще землицей в придачу: как-никак любимая старшая доча нашлась.

– У него дочерей, как собак нерезаных: устал замуж выдавать.

– Но попробовать все равно стоило, – подняв указательный палец к небесам, назидательно проговорил Ирсен. – В этой жизни нужно использовать все возможности, ибо неизвестно какая из них даст наибольшую выгоду.

– Не занудствуй! – Фыркнула Вейм, толкая дверь.

Они оказались в темном зале таверны, освещаемым пучками свечей в намертво вбитых в каменные стены канделябрах. Грязные круглые столики, заляпанные грязью, салом и дешевым портовым вином, были пусты. На них ножками кверху лежали не менее грязные перевернутые деревянные треножные табуретки. Кроме них в зале была лишь толстая служанка, мывшая полы грязной водой.

– Люди где?

– Погоди, Вейм. Разговор есть.

– Он кивнул в сторону одного из столов.

– Ты что задумал, Ирсен?

– Садись. В ногах правды нет, – Ирсен кивнул толстой девке, размазывающей грязь по полу поломанной шваброй, чтобы принесла пива. Когда перед ними поставили две треснутые глиняные кружки с пенным напитком, он продолжил.

– Мне работу предложили, караванщиком, – проговорил он, шумно отхлебнул пива, а затем вытер усы от налипшей пены.

– Разделиться хочешь?

– Да, нам всем вместе сложно будет. Я хочу взять несколько ребят и пойти с караванами на юг. Часть людей останется в Мянтувиле.

Вейм прищурилась.

– Отцу необжитые земли от моей матери достались: горы, леса, мелкие хилые деревеньки, набег варваров. Да что были – они до сих пор заброшены. Отец со своими угодыями разобратся не может: у него то свадьба, то поход, то пирушка по случаю свадьбы или похода. В землях даже замок был. Он, конечно, немного разрушен, да и дурная слава о нем ходит. Хочу обосноваться там: снизить налоги, построить дороги, осушить болота и торговлю наладить. Словом, заняться всем тем, что делала в Драгонхолле. И для этого мне нужны люди, люди которых я знаю и которым могу доверять.

– Вейм, я – не строитель, я – пират.

– А как же мечты о собственной маленькой ферме?

– Не время сейчас мечтать. Работать надо, и в первую очередь головой.

– Дай мне время. Если в ближайшее время не заставлю отца переписать земли на меня, я тебя отпущу. Но давай хотя бы Таммивиля доедем.

– Сколько времени? Год? месяц? Караван завтра уходит.

– Неделю. Не думаю, что караван скоро двинется из города, – покачала головой Вейм. – Когда мы уходили из порта, склады горели. Большинство товара испорчено пожаром, а что не уберегут от огня, то водой зальют.

– Узнаю старую Вейм, – усмехнулся Ирсен, ладонью вытирая с рыжих усов пену. – Ато как из Драгонхолла выехали, заладила «похороните меня», да «похороните меня». Всю дорогу мертвецам спать спокойно не давала своими воспоминаниями.

– Завтра турнир. Надо бы Илану на состязания лучников записать: посмотрим, на что местные стрелки способны. Не выиграет, так хоть руки разомнет.

– А Хагена на рыцарский поединок.

– И чтоб над этим треклятым городком развивался флаг с красным драконом!

– Так выпьем за флаг! И род РедДреганов! – Крикнул Ирсен, поднимая кружку с пивом.

– За РедДреганов! – Поддержала Вейм, поднимая кружку.

– Я, наверное, умер и сплю? – Сурово проговорил Хаген, подходя к столу. Он покосился единственным глазом на стаканы. – Наше судно сожжено, все имущество или сгорело, или утонуло, меня все утро кормили собачьими отбросами под лестницей, я, словно скаковая лошадь, бегал по порту за мальчишкой, а вы тут сидите и пьете за здравие рода РедДреганов! Кстати, что с людьми Ирсен?

– Все в порядке, в городе они. Мальчики, – проговорил Ирсен, доставая из-за пазухи оловянный ключ. – Это конечно не царские покои, но передохнуть нам хватит. На четвертом этаже первый номер налево. А ты Хаген садись. Дело есть.

– Передохнуть или передохнуть? – Съявила Вейм.

– Передохнуть, – вручая ключ Отти, уточнил Ирсен. – Там есть вода в рукомойнике, баня внизу, постель вечером принесут. Отдохните с дороги. Еще кружечку! – Зычно крикнул старый пират дородной хозяйке, выплывшей из-за стойки, словно груженная торговая баржа. Женщина вытерла полные пальцы о сальные волосы собранные куцым пучком на массивном затылке и, кокетливо поправив грязный малиновый передник, медленно поплыла в сторону кухни. Через некоторое время трактирщица появилась с большим подносом, на котором стояла

одна единственная кружка. Наклонившись над столом так низко, что казалось, что ее большая грудь вот-вот вывалится из глубокого декольте, она медленно поставила кружку на стол. Удостоверившись, что господам ничего больше не требуется, она улыбнулась на прощание, обнажив два ряда золотых зубов, и покачивая полными бедрами, поплыла обратно за стойку.

– Ирсен умеет очаровать любую женщину. Вне зависимости от размера, возраста и пола.

– Вдова, мужа недавно потеряла, – сухо прокомментировал Ирсен. – Его колесовали на той неделе за организацию азартных игр без документа от городского магистрата, а предыдущей муж с пристани свалился, когда в сильном подпитии из гостей домой возвращался. Муж, который был до него, к соседке сбежал, но с ней он недолго прожил: капусточкой несвежей отравился.

– Мда, опасная женщина... Ты должен крепко подумать, Ирсен, прежде чем соберешься стать её очередным супругом!

– Чур... чур... чур меня... Не нашелся еще хомут на мою шею. Я еще на воле побегаю!

– Ага, в поисках приключений на собственную задницу. Соглашайся, – протянула Вейм, внимательно рассматривая стакан. – Тут тебе трактир, сортир и теплый кефир. И никаких нервотрепок с караванами, никакой холодной воды плюхающей в сапогах, набившей оскомину вяленой рыбы и полного отсутствия нормальных женщин в течение длительного времени. А ты Хаген пей, тебе такая красotka с приданым в виде маленького семейного бизнеса не скоро обломится.

Хаген с недоверием покосился на треснутый стакан с отбитыми краями, презрительно скривив лицо, принял. Видимо, пиво отдающее самогоном, не внушало мужчине доверия. Он еще раз кинул взгляд на кружку и достал серебряную флягу с именным вензелем.

– Хаген, будь проще, и народ к тебе потянется, – потянулась Вейм, разваливаясь на стуле. Пиво уже ударило ей в голову и приятным теплом разлилось по телу.

Хаген скривился и отвинтил крышечку.

– Рассказывайте, – проговорил он, делая глоток.

– Ирсен хочет нас бросить: забрать своих людей и свалить с караванщиками.

– Ирсен, за такой поступок ты бы сам себя повесил на самой высокой рее. Да не просто повесил, а предварительно срезал кожу со спины и посыпал бы раны перцем.

– Хаген, нам надо разделиться. Ты видел команду? Ладно Ойра, Илана и мои ребята... А что мы будем делать с другими? У нас в команде есть два кузница, пекарь, крестьяне и винодел, золотошвейка и семейка разорившихся торговцев. С ними-то что делать? Их можно потащить в Таммивиль, но никак ни в необжитые земли.

– Во-первых, Ирсен, они взрослые люди и знали, на что идут. Я не обещала, что будет просто. Во-вторых, позволь им самим решать. Тот, кто захочет остаться – пусть остается, а кто захочет уйти – это его личный выбор, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы они хорошо устроились на новом месте. Ты, Ирсен, – другое дело. Без тебя мне будет очень сложно.

Ирсен усмехнулся.

– За людей не переживай, я их за этим в город и отпустил: посмотреть, потолкаться среди местных, на рынке побывать, город посмотреть. Вечером соберемся, обсудим, что дальше делать будем. Ойра пусть богов спросит.

– Вот и замечательно! Мы с Хагеном к отцу вернемся: надо с тетушкой Эйтель поговорить, может, замолвит словечко перед нужными людьми. Отца просит об этом бесполезно. Он мне ясно указал, что мое место – в конце стола, и больше мне рассчитывать не на что. Попробую рыпнуться – посадит под домашний арест: это мы уже проходили. А я слишком стара, чтобы сидеть в холодной башне обозревая окрестности на много миль вокруг, словно дятел на сосне. Людям скажи, чтобы были поаккуратнее: лишнего не болтали, мое имя не упоминали. Здесь иностранцев много, найти всех, приехавших со мной будет очень сложно. Кстати, Хаген, я тут мальчишке серебряный задолжала. Что-то он за платой не идет.

– Серебряный? Да я этому белобрысому золотой отдал!

– Эх, Хаген, Хаген, – проворчал Ирсен, покачивая головой. – Я за сумму вдвое меньшую снял комнаты в трактире на три дня на всю нашу веселую команду и накормил их завтраком. И ты будешь нас обвинять в растрате!

– Кстати, Ирсен. Что ты говорил про паломников?– спросила Вейм.

– Да легенда наша основная такова: мы паломники и приплыли из дальних мест, чтобы посетить все храмы в этих местах.

– Ирсен, ты на подаянии разоришься.

– Ну, посещение храмов – полезное занятие. Храм – не рынок, и не трактир, а богам удобное заведение. Туда и благородные господа ходят. В нашем мире за все нужно платить, и за новые связи тоже.

– О, да... так же в храме можно поблагодарить богов, а не только нужных людей отлавливать. У тебя случайно не завалялся ключик от еще одного свободного номера? Мне б вздремнуть перед обедом, чтобы к вечеру выглядеть, словно майская роза.

– Такая же бледная? – усмехнулся Ирсен. – Постучись к Ойре. Они с Иланой заняли четвертую комнату с конца, дескать, там вид хороший. Девушки насколько мне помнится на рынок ушли, а вот сын Иланы вроде бы спит: так что ты стучи громче.

Вейм изобразила на лице благодарную улыбку и, покачиваясь, словно флюгер в ветреный день, побрела к лестнице, облезлые ступеньки которой были видны рядом с баром. За стойкой трактирщица монотонно протирала грязной тряпкой стакан и улыбалась, отрешенно глядя немигающим взором в середину зала. Она ничего не сказала, когда Вейм, походкой морячка во время качки, прошла мимо.

Свет на ступени проникал только через открытое окно в крыше таверны и его едва хватало. Спотыкаясь пляшущие перед глазами ступени, Вейм миновала два этажа. Ноги плохо слушались, уши заложило, перед глазами раскачивались перила изъеденные жуками, лестничные пролеты, а в голове было приятно, тихо и пусто. Поднимаясь со второго этажа на третий, она задела плечом целующуюся парочку. Испуганный визг полуодетой женщины, прижатой к стене напористым кавалером, чуть прояснил убаюканное пивом сознание, выдернув из сладкого дурмана. Времени проведенном в сознании хватило ровно на то, чтобы сопровождаемая ругательствами Вейм добралась до комнаты Ойры и, не раздеваясь, плюхнулась на тюфяк, разложенный в углу. Железная кровать, стоящая перед окном была занята: на ней посапывал Ильмар, сын Иланы.

Вейм снился Драгонхолл, чьи башни-иглы прорезали шпилями северное небо, делая замок похожим на ошетилившегося дикобраза; серые полированные камни стен; ровные выложенные серым ракушечником дорожки в саду; подвесной замковый мост в виде драконьей пасти переброшенный через широкий ров, наполнявшийся водой только во время весенних ливней, когда мелкие горные речушки превращались в ревущие потоки сметающие все на своем пути; жестяные фигурки горгулий на ливневых трубах. Внезапно одна из горгулий стала увеличиваться, приобретая очертания дракона. Она повернула свою рогатую голову и улыбнулась, обнажая мелкие острые зубы. В чертах горгульи ясно узнавалась морда Стилмата.

Истошный крик заставил Вейм мгновенно открыть глаза: над нею нависала фигура в коричневой хламиде паломника. Лицо его скрывала тень капюшона, надвинутого по самый подбородок. На руках незнакомца были потертые перчатки из плохо обработанной коричневой кожи. Кожа перчаток лоснилась на ладонях. Хламида его была перевязана у пояса грубой потертой веревкой, служившей одновременно и поясом и креплением костяных четок, облезшие кисточки которых болтались над лицом женщины, щекотя нос. Вейм чихнула. Блеснувшее на солнце лезвие прошло в нескольких миллиметрах от лица, оцарапав кожу и срезав прядь волос. Увернувшись от второго удара, Вейм перехватила руку нападавшего, впившись ногтями в запястье, и не выпуская её, вскочила на ноги. Незнакомец не издал ни звука. Не замечая

выступившую кровь, он замахнулся левой рукой для нового удара. Длинный нож просвистел над ухом. Вейм резко отпрянула, выпуская руку противника. Теперь отбиваясь уже от двух ножей, Вейм быстро вытащила припрятанный в рукаве стилет.

– Сдавайся! – Испуганно заорал Ильмар и, обнажив меч, ринулся на незнакомца.

Незнакомец, не оборачиваясь, парировал выпад Ильмара, и, споткнувшись о подножку Вейм, вылетел в окно. Приземлившись спиной о деревянную крышу соседнего балкона, он тут же вскочил на ноги и побежал, перепрыгивая с крыши на крышу. Вейм было рванула за ним, но подоконник предательски уплыл из-под ног, и завтрак подкатил к горлу, едва она посмотрела вниз.

– Леди, Вейм с вами все хорошо? – Спросил Ильмар, аккуратно стащив её с подоконника и укладывая на тюфяк.

– Голова немного кружится. Ильмар, ты герой! – Проговорила она, топорща рыжие волосы мальчишки. – Если бы ты не заорал, я бы не проснулась. Совсем не проснулась, ... навсегда не проснулась...

– Да ладно вам... – Покраснел он, приглаживая вихры. – А вам мама ключ дала?

– Нет, – покачала головой Вейм, борясь с приступом тошноты. – Дверь была открыта.

– Я точно помню, – пожал плечами Ильмар, – что запираю, когда ложился спать.

– А какого лешего ты днем подушку мнешь?

– Я это... – проговорил он краснея. – Мама сказала, что я переволновался днем, и попросила у тетушки Ойры травок успокоительных.

– Мама у тебя заботливая, но с травками видимо переборщила, – протянула Вейм, снимая широкий пояс. Расстегнув непослушными пальцами потайные крючки, она развернула его.

– Ух, ты, – восхищенно вздохнул Ильмар, увидев потайное содержимое. – Тут баночек, как у тетушки Ойры!

Вейм усмехнулась.

– От ядов, от простуды, от водянки, от сердца, от ветрянки, – перечисляла она, проверяя колбочки, баночки и сверточки.

– А взрослые же ветрянкой не болеют!

– В этой жизни нужно предусмотреть все, – ответила Вейм, не отвлекаясь от баночек. – От сердца, для сердца, от печени, для печени, от почек, для почек, от душевной хвори, приворотное, рвотное, чтобы детей не было, чтобы они были, от бессонницы, успокоительное, для изгнания демонов, для привлечения денег, от подагры, для роста волос ... А, вот оно, – лицо Вейм просветлело. – Вот он мой маленький... – протянула она, вытаскивая из кармашка крошечный синий сверточек. – Ильмар, спаси мое брэнное тело еще раз, сгоняй вниз за водичкой!

– А если к вам опять убийца зайдет?

– Не зайдет. По местным правилам: не больше одного душегуба в день. А ну марш за водой!

Ильмар вскочил с кровати и выскочил на лестницу, не закрыв за собой дверь.

– Как же голова то болит, – вслух проговорила Вейм, разворачивая ножом сверток. – Стилмат... Стилмат... Ты здесь?

Никто не отозвался.

– Стилмат... выходи, о Великий, разговор есть... – Проговорила Вейм, аккуратно подцепляя стилетом немного бурого порошка. Отложив нож с лекарством в сторону, она старательно запаковала свои снадобья.

– Стилмат... – Позвала она дракона, облокачиваясь спиной о стену.

Тишина. Только с носика железного умывальника сорвалась капля воды и с шумом разбилась о бронзовый тазик.

– Стилмат, тебе сложно появиться и объяснить, что тут происходит? Стилмаааат....

– Буянишь, Вейм? – В комнату зашел Ирсен со стаканом воды в руках.

– Самую малость, – изобразила вымученную улыбку Вейм, взяв стакан. – Она слизала лекарство с тонкого лезвия и, поморщившись, запила водой.

– Опять нашли приключений на нижнюю точку, госпожа Вейм? – Сурово спросил Хаген.

– Ильмар, я ж просила притащить воду, а не двух зануд, – проговорила Вейм, вырубаясь. Её голова запрокинулась, обнажая шею с четырьмя розоватыми полосками рубцов. Раны давно затянулись, оставив безобразные шрамы.

Ирсен подобрал выпавший из рук девушки стилет, принялся.

– Кажется, это порошок из костей гарпии смешанный с какими-то травками и вываркой из крови малого летунца. У нас, на западном побережье, эту дрянь называли «успокойка». Щепотка порошка, и человек через час проснется бодренький, с чистой головой и без похмелья. Если ошибется с дозой – вообще не проснется.

– Всегда поражался тяги Вейм с подобной дряни, – брезгливо поморщился Хаген. – За хранение порошка можно попасть в тюрьму года эдак на два, а если докажут, что ты ее продавал, то отправят прямиком на галеры.

– Нуу... – хитро прищурил правый глаз Ирсен, кладя стилет рядом со спящей девушкой. – Для обычных людей это так. Но ты же знаешь Вейм. Помнится, у нее была в Драгонхолле целая коллекция всяких травок, порошков, бутылочек. Они на этой почве спелись с Ойрой.

С лестницы послышался оглушительный женский визг, переходящий в рыдания, и звон разбиваемой посуды.

– Ильмар, присмотри за Вейм, – крикнул Хаген и, на бегу вынимая меч, выскочил в коридор. В несколько прыжков он перескочил два пролета, очутившись на третьем этаже. Кричала служанка, закрыв лицо руками. Рядом валялись осколки чашек и деревянный поднос. Прислонившись спиной к грязной стене, на деревянном полу площадки между этажами сидела расстрепанная молодая женщина. Её большие карие глаза были открыты, крик ужаса застыл на ее пухлых губках, так и не сорвавшись. Над ней алело кровавое пятно, кровавые потеки которого сползали по деревянным панелям. Её кавалер, лежал у ног возлюбленной, зарывшись лицом в пышную серую юбку. Из его спины торчала деревянная рукоятка кухонного ножа.

– Вот те на... – проговорил Ирсен, выглядывая из-за спины Хагена. – Не кричи, милая, проговорил он, обнимая за плечи рыдающую служанку. – Им уже не поможешь.

– Знаешь эту девушку?

Служанка, всхлипывая и утирая слезы передником, часто закивала.

– Это Мирта. Она у хозяйки комнату снимает. Снимала... – Уточнила девушка, и снова начала рыдать, размазывая слезы по пухлому личику.

– А мужчина?

– Я не знаю... – Рыдала девушка. – У нее каждый день новый был. Гуляла она, тем и зарабатывала.

– Перестань рыдать! – Спокойно проговорил Ирсен, утирая слезы. – Беги к хозяйке, только тихо. Вам лишний шум не к чему.

– А мы ведь случайно прошли по другой лестнице.

– Хаген, тут район не спокойный. Может, их ее бывший любовник зарезал, или жена этого красавчика. – Кивнул он в сторону трупов. – Заметил, у него след от кольца на пальце? А может быть, просто ограбили его, кольцо сняли, а девку прирезали, чтобы не болтала.

– Ограбили, говоришь. Кошелек на месте.

– Служанка испугнула. Хаген, я понимаю, что ты долгое время отвечал за безопасность Вейм, и работа отложила неизгладимый отпечаток на твой образ мысли, но не надо придумывать врагов там, где их нет.

– На Вейм тоже напали случайно? – Зло усмехнулся Хаген.

– Не знаю. Эти земли – её вотчина. Она лучше знает местные обычаи. Проснется – спросишь. Хотя... – задумчиво проговорил Ирсен.

– Хочешь вызвать Стилмата?

– Ойра пыталась: все без толку. Он не ответил ни ей, ни Илане, – махнул рукой Ирсен. – Драконы появляются только тогда, когда считают нужным.

– И заметь, – всегда во время. Не считая того случая в Хили, когда он город на уши поднял.

– Что, уже грохнули кого-то? – Полюбопытствовала Вейм, переваливаясь через хлипкие перила. – Быстры вы, ребята.

– Ты ж после успокойки еще час должна подушку обнимать! – Удивился Хаген.

– Ну, это от обычной успокойки. – Хитро улыбнулась Вейм, обнажая ровные белые зубы со слегка выдающимися вперед клыками. – Я изменила рецепт... слегка... Кстати, этих двух бедолаг я помню. Когда я по лестнице поднималась, они так обнимались, так обнимались, что её грудь выпрыгнула из корсета, и видны были толстые ляжки из-под нижних юбок. Но нервы у девушки явно не к черту: она так заорала, увидев меня, что у меня чуть барабанные перепонки не лопнули. Я понимаю, что пьяные девушки отвратительны, но не настолько, чтобы так орать! Я что, действительно была так страшна?

– Вейм, а ты уверена, что она кроме тебя никого больше не видела?

– Знаешь, если бы за мной крался убийца, я бы, скорее всего, заметила. Кстати, Ирсен, ты, когда с трактирщицей разговаривал, ничего странного не заметил?

– Нет, нормальная тетка. А что?

– Я плохо видела и соображала, и может быть, мне показалось, но трактирщица какая-то странная была, когда мимо неё в последний раз проходила. Глаза у нее стеклянные были, словно наглоталась чего-то. Еще загадка: мы пили одну и ту же бормотуху. Скажите-ка, господа, почему ты, Ирсен, трезв как стеклышко, а я еле до кровати доползла? Если сделать поправку на вес и опыт, и добавить количество выпитого, то ползать должен был ты, а не я. А кто, кстати, нам наливал? Прааавильно: наливала нам добрая тетя трактирщица, которая потом чего-то съела и теперь, наверное, ничего не помнит.

– Я же говорил, что нужно было подождать, когда проснется Вейм.

– Короче, вывод один: меня, похоже, кто-то хочет грохнуть, – спокойно произнесла Вейм. – Вопрос «кто» остается открытым и главным на повестке дня, после вопросов «где же нам найти денег» и «как поработить эти земли и стать единоличным тираном». Главные подозреваемые – моя любимая родня и кто-то со стороны Стилмата. Драконы очень не любят менять насиженных мест, а этот обрадовался, когда мы его взяли с собой, а это неспроста. Но, прогонять Стилмата только из-за того что мы считаем его подозрительным, я не считаю нужным. Кстати, я в бескорыстного дракона тоже не верю, а он уже мне дважды помог.

– И это я-то мнительный, а, Ирсен? – Усмехнулся Хаген. При попытке улыбнуться его искалеченное лицо становилось похоже на гротескную маску злого божества.

– Ладно, Хаген, поднимай людей, и пошли по городу проболтаемся. Потом пойдем ночевать к отцу. Ирсен, я там Ильмару еды немножко оставила. Встречаемся завтра на главной площади у ратуши под часами. Часы в городе одни: не перепутаешь. Подходим до заутрени, пока площадь пуста.

– Говорил с Иланой. Она подтвердила, что готова, – добавил Ирсен.

– Отлично. Нужно и тебя пропихнуть на соревнования бойцов.

– Зачем?

– Как зачем: выиграешь, прославишься...

– А если нет?

– Ай, ай, ай, Хаген, – покачала головой Вейм. – Сомнение – грех. Странно слышать подобные слова от тебя, человека, который много лет прикрывал мне спину, рисковал жизнью, участвовал во всех передрягах и заварушках, в которые забрасывала меня жизнь. Давно ли ты стал дрожать за собственную шкуру, а Хаген?

– Одно дело, защищать вас, леди Вейм. Другое веселить тупое быдло. К тому же, использовать благородное оружие для развлечения – запрещено согласно Кодексу Воинов.

– Не стоит оскорблять обидным словом простых работяг, пришедших посмотреть как благородные господа метелят друг друга, теща раздутое самолюбие. Простым людям тоже нужны развлечения иначе они пойдут заниматься политикой, например, сожгут замок. Будь проще, Хаген: это только деньги – ничего личного, и кодекс тут не причем.

– Я подумаю, леди Вейм.

– Он подумает! – Рывкнула Вейм, ее голос мгновенно стал стальным. – Пока я – главная здесь, я требую неукоснительного выполнения своих приказов, Хаген.

– Да леди, Вейм, – опустил голову Хаген.

– Значит, вопрос считаем закрытым. И, вообще, тебе не хочется денег, почета и уважения, и чтобы трубадуры еще жизни слагали баллады о тебе?

– Леди Вейм, я всю жизнь считал, что главное – это чистая совесть и незапятнанная репутация, а все остальное бессмысленная мишура. Меня воспитывали по Кодексу Воинов.

– Мне стоит тебе напомнить, что служение своему господину так же присутствует в списке обязательных добродетелей всех живущих по Кодексу Воинов, если уж ты ссылаешься на него. А теперь изволь собрать наших людей внизу, ато тут уже собирается толпа любопытных.

– Сурова вы, госпожа, – покачал головой Ирсен.

– Разболтались совсем! – Сквозь зубы процедила Вейм. – В драконовых землях у него даже мысли бы не возникло мне перечить. А тут вдохнул, значит, воздух свободы. Свобода будет когда, где-нибудь устроимся, обзаведемся зимними квартирками и полным амбарцем с вином и всяческой снедью!

– И вечный бой, покой нам только снится...

Вейм злобно фыркнула и начала расталкивать толпу, спускаясь к выходу. За то время, пока они разговаривали, слухи о смерти Миртл распространились по всему району, и теперь толпа любопытных заполнила тесную лестницу, не давая пройти корнеру и городской страже. Хаген, Мартти, Матти, Олли Долговязый и Отти Оруженосца ждали её у дверей таверны.

– Ну что, бойцы, киснем. Поспать не удалось? Не бойся, на том свете отдохнете! – Проговорила она с плохо скрываемым сарказмом. – А где мой дракон?

– Стилмат не появлялся.

– Дракон, с носа драккара. Деревянный такой, – уточнила она, показывая размер дракона.

– Если ты про тот кусок дерева, что стоял у вашего столика, то его хозяйка приказала на дрова расколоть.

– Что???????

– Да не волнуйся, Вейм, у тебя еще живой не сдох. Зачем тебе деревянный?

– Это последнее, что осталось от корабля!

– Вот так и погибают герои, – усмехнулся Ирсен. – Уцелев после пожара, сгореть в домашней топке. Мораль: не стОит щелкать клювом в мирное время.

– Все, урок нравоучений на сегодня закончен. Марш по делам.

Первым делом, Вейм и Хаген отправились в торговый квартал. Она последовательно обошла лавочки города: приценивалась, торговалась, делилась слухами реальными и вымышленными. Днем они перекусили в маленьком трактире расположенном одном из проулочков паутинкой расходившихся от главной площади. Главной темой сегодняшнего дня был пожар в порту. О нем судачили торговки на рынке, прихожане в храмах, посетители кабачков и пивных, крестьяне пригнавшие скотину на площадь в базарный день, в кабинетах ратуши и коридорах замка. Слуги и их господа, горожане и приезжие, попрошайки, собирающие подаяние у храмов, и богатые горожане, купцы и ремесленники, – все обсуждали пожар. И чем дальше слухи летали над разворощенным городом, тем большими подробностями обрастали. Часто

эти подробности были настолько нелепы и абсурдны, что даже сами рассказчики не верили в них, что не мешало передавать слухи дальше, добавляя еще более невероятные детали.

Из-за происшествия король был вынужден отменить запланированную на обед охоту и заменив ее посещением разрушенного порта. Матросы и портовые рабочие еще заливали горящие склады, а королевский двор уже потянулся пестрой колонной осматривать руины. В порту их встречал бледный мэр, так и не решивший что хуже: огонь слизавший половину построек, пирсы и добрую часть кораблей и лодок, имевших несчастье прибывать в порту или посещение Короля. Да, конечно, мэра выбирали представители городских гильдий, а не король или лорд, но упасть в грязь лицом при посещении города столь высоким гостем тоже не хотелось. Приезд короля был не только почетен, но еще и очень выгоден для горожан. В эти дни все ремесленники и торговцы работали на королевский двор: кружевницы плели тончайшие кружева, портные шили и чинили господскую одежду, оружейники клепали доспехи, алхимики варили снадобья и духи, а пекари, кондитеры, охотники поставляли к королевскому столу свежую дичь и изысканные блюда. Платил за всё лорд Мянтувильский. Платил, не смотря на рыдания казначея, уверявшего после каждой покупки, что следующая трата непременно пустит по миру и лорда, и его семью.

Прибыв в порт, король убедился, он все-таки сгорел, дал пару ценных советов и отбыл обратно в замок. На сборы у него ушло два часа и еще час на дорогу до порта и обратно. На осмотр руин коронованная особа потратила десять минут. Никакие другие мероприятия, кроме охоты, как то: господский пир, состязание бардов и скачки отменены не были. Когда Вейм вернулась в отчий дом, семья как раз занималась приготовлением. Слуги сновали, словно белки в солнечный день, разнося иголки, кружева, ткани и баночки с духами по комнатам. Ежеминутно с женской половины дома раздавался гневный окрик и возмущенный визг псинки, на которую наступил невнимательный служка. Мелкие, ростом не больше кошки, вечно суетящиеся и грызущиеся между собой, собачки были новым увлечением при дворе и обязательным аксессуаром дам. Из-за беспокойного, нервного характера, зверьки лезли под ноги и вечно норовили цапнуть окружающих. Однако при виде Вейм, они испуганно замирали, и, тихонько скуля, прятались.

– Леди, Вейм! – Раздался впереди радостный голос Авундия.

– Я тоже рада, мой друг, но зачем же так орать! – С легким раздражением в голосе произнесла Вейм.

– Мы вас целый день ищем. Леди Эйтель так волновалась: ходили слухи, что ваш корабль сгорел, а ваша команда утонула. Такая беда...

– Увы, это так: мой драккар – на дне реки вместе со всей командой, – развела руками Вейм.– Ты говорил, Эйтель хотела меня видеть?

Леди Эйтель не любила когда ее звали «тетушка», или «леди». Для всех своих многочисленных знакомых она всегда была вечно юной Эйтель. Только Авундию было позволено называть ее «леди Эйтель». Он очень этим гордился и каждый раз произносил «леди Эйтель» с особым благоговением в голосе.

– Боюсь, это не возможно. Леди Эйтель чрезвычайно занята: она собирается на королевский ужин и лучше ее не беспокоить.

– Ужин говоришь...– Поморщившись, проговорила Вейм. – Надеюсь, мне не нужно их сопровождать? Королевский ужин – это так скучно.

– Нет, не нужно. Вас все равно не пригласили,– простодушно заявил Авундий.

– Ну, Авундий, – протянула Вейм, благочинно устремляя взор в небо, проглядывающее сквозь ветки деревьев в саду. – Ничто не мешает мне явиться без приглашения.

– Нет... нет.... нет... – испуганно пробормотал он. – Думаю, не стОит, леди Вейм.

– Тогда изволь нас накормить, и отвести в комнаты. Не будет же дочь лорда спать во дворе!

Комнаты, которые им выделили, были тесные и маленькие и располагались под самой крышей дома. Единственное, что понравилось Вейм – это большое двустворчатое окно, выходящее на соседнюю крышу. Сквозь него весь город был, словно на ладони: соседние улочки, черепичные крыши домов, купола храма Святого Виночерпия, дарующего богатство и радость своим прихожанам и узкая змея городской стены. Обстановка комнаты была не лучше той, в которых остановился Ирсен и другие, приплывшие с Вейм: колченогий стол, стулья, железная скрипучая кровать, чахлые кустики герани в глиняных горшках и выцветшие льняные занавески. Видимо, комнатой давно не пользовались, а служанка, прибиравшая её недавно, была ленива, поэтому под кроватью и в углах лежал толстый слой пыли. Однако паутину с карниза она все-таки убрала, а со стола стряхнула крошки, заботливо заметя их под драный половинок. Убрав с подоконника герань, Вейм села, прислонившись спиной к толстой дубовой раме. Остальные устраивались: за стенкой была слышна возня, недовольный голос Хагена, хрипловатый, только что сломавшийся от взросления голос Отти и визгливый голос Авундия, пытавшийся объяснить незванным гостям, что горячей ванной не будет, ровно, как и полотенец. С тех пор как Вейм покинула эти края, водопровод и горячая вода все еще не стали обязательными благами в каждом доме.

Драгонхолл, как и все города драконовых земель, располагался на термальных источниках, круглый год снабжавших жителей горячей водой, а зимой еще и отапливавший нижние залы. Ванная комната или просто уголок с бронзовой ванной, отгороженный цветастой ширмой, являлись обязательным элементом интерьера любого дома. Более обеспеченные жители могли себе позволить целый бассейн, наполненный горячей минеральной водой. Любили жители драконовых земель и каменные сауны, обитые изнутри досками из дорогого дерева, цвета солнечного янтаря. Нагреваясь от пара, древесина источала терпкий пряный аромат, который, смешиваясь с запахами можжевеловых веников и ароматных масел, кружил голову и дарил ощущение легкости.

Жители же здешних мест были лишены подобных удовольствий. Вода в Мянтувиле добывалась из городских колодцев, бравших воду из подземных рек. По утрам жители города собирались около одного из семи колодцев, чтобы потолкаться в очереди, посетовать на жизнь и через час тащить толстую бочку, наполненную до краев бледно-зеленой пахучей жидкостью. Можно было воспользоваться услугами водовозов, за несколько медяков развозящих воду на скрипучих телегах, волокомых худыми, вечно изможденными клячами. Мерный глухой стук их копыт по булыжной мостовой раздавался каждое утро во всех уголках Мянтувиля. Рыть свои скважины магистрат запрещал, так как ежемесячно жители Мянтувиля платили с каждого двора за использование воды.

Хаген не знал этой местной особенностей, и поэтому вот уже полчаса пытался поговорить с Авундием, считая, что из-за незнания экси не может донести до ленивого ума слуги мысль о том, что господину нужно помыться с дороги.

Вейм же просто слушала гул города. Сон все не шел, и она сидела, обхватив тонкие колени, вдыхая вечерние запахи улиц. Стояла середина лета, и ветер доносил ароматы лип, полевых цветов и скошенного сена и речной тины. Запахи порта и ремесленных кварталов не достигали Верхнего города, не тревожа нежные носы господ. Над головой носились стрижи, свившие гнезда под крышей соседнего дома. Судя по гербу с золотым оленем на изумрудном поле, украшавшему конек здания, соседями являлись лорды Косвильские. Куда исчезли тихое семейство лордов Тинвильских, многие годы владевшие особнячком, Вейм не знала.

Шли часы, за стенкой давно успокоились. Сестры давно вернулись в дом. Вейм видела, как их экипажи въехали во двор. Пустой дом тут же наполнился звуками: звонкими голосами сестер, лаем собачек, топотом слуг и басом нетрезвого отца, раздававшимся с нижних этажей. А Вейм, словно каменное изваяние все сидела на подоконнике. Только когда дверь тихонько

заскрипела, она повернула голову, положив правую руку на левое предплечье, где под одним из кожаных ремней прятался стилет.

– Здравствуй, Вейм! – Улыбнулась с порога Эйтель.

Вейм встала, и женщины обнялись.

– Ну и дыру тебе выделил отец, – фыркнула она, присаживаясь на край кровати.

– Бывало и хуже, – пожала плечами Вейм.

– Знаешь, Вейм, я рада, что ты вернулась. Мне тебя не хватало.

– Не думаю, что остальные тоже рады меня видеть, – усмехнулась Вейм. – Со мной же проблем много.

– Ерунда, – фыркнула Эйтель, поправляя складки на темно-зеленом бархатном платье, расшитом крупным речным жемчугом. – Ты не притязательна и не шумна. Извини меня конечно, но твоя семья загостила у меня. Король вот уже десять дней в Мянтувиле, и все десять дней отец и твои сестры живут у меня. Я не жалуюсь, но они очень громкие. А их собаки. ... У меня мигрень от их противного визга. Твой отец просто не сносит: он загонял моих слуг, залил вином ковры и обивку, выгреб все запасы, а вчера, проверяя новый меч, срубил парадную люстру в зале. Но самое главное, он пытается командовать. Мои друзья боятся навещать меня. Я словно гость в моем собственном доме, не могу и шагу ступить без его позволения. Извини, но твоя семья превратила в мой персональный кошмар такое веселое событие, как приезд короля. Я уже не знаю, каким богам приносить дары, чтобы они съехали.

– Мои слуги тоже не подарок. Думаю, Авундий уже жаловался на нас. К тому же, только появившись, я умудрилась испортить завтрак: у многих за столом еда комом в горле встала от моего внезапного воскрешения.

– Не обращай внимания. Знаешь, но твои слуги очаровательны. Я, наверное, неправильно поняла их, но они выпрашивали у Авундия какую-то ванную. Насколько я поняла это какой-то большой таз с водой. Я впервые вижу, чтобы мужчина мылся добровольно. Они конечно немного грубоваты, но забавны. А Хаген... Он так мило краснел, когда просил чистые полотенца и прибраться в их комнате. Если бы не эти шрамы на лице, он был бы довольно симпатичным.

– Боевая юность, – улыбнулась Вейм, пряча под длинными черными волосами свои шрамы. – Кстати, ты не знаешь где он?

– Авундий повел их в городскую баню.

Огромный белый кот спрыгнул с подоконника, вихляя задом подошел к Эйтель и, утробно урча, начал укладываться на коленях. Зверюга выросла втрое с их последней с Вейм встречи, превратившись из нескладного угловатого подростка в упитанного хищника, и теперь едва помещалась на коленях хозяйки.

– Эйтель, мне нужна твоя помощь. Сможешь уговорить отца отдать мне земли, отданные как приданое, моей матери?

– Земли, принадлежавшие предкам Веспер? Боюсь это невозможно: отец раздал их сестрам после твоей смерти. Они в равной доле достались Эмме, Эджени и Эоланте. Остатки отойдут Джайле и новорожденной Кайли.

– Да, беда... Похоже, все получили свою часть, кроме меня, – грустно заметила Вейм, собираясь с мыслями.

– Извини, Вейм. Тебя не было шесть лет.

– А новая жена отца, кто она?

– Кира? Сестра леди Джайлины Ауренвильской, предыдущей жены Эрика. Кира – взбалмошная капризная девчонка, но рядом с ней Эрик чувствует себя пятнадцатилетним юнцом. Я не хочу обижать твою мать и остальных покойниц, но только леди Элика Миртувильская была ему хорошей женой.

– Если бы не знала Элику, то решила, что хвалишь ее, потому что она твоя сестра. Но, – продолжила Вейм. – Она действительно была прекрасной мачехой и честно пыталась заменить мне мать, хотя не очень любила Веспер.

– Она никогда не рассказывала почему?

– Нет, Элика молчала, считая, что я не виновата в старых дрязгах. Отец пьяный проболтался. Рассказал, что наша семья недавно появилась в этих землях, всего каких-то лет пятьдесят – сорок. До нас эти леса считались дикими и принадлежали народу Веспер. Когда король отдал эти земли лордам, местных жителей попытались выгнать. Отец Веспер, будучи шаманом и просто уважаемым человеком, поднял мятеж. Мятеж жестоко подавили. Её выдали за моего отца, который до этого готовился к свадьбе с Эликой Миртувильской. Соплеменников же Веспер кого продали в рабство, кого повесили. Вот такая печальная история. Давай не будем ворошить старые обиды, Эйтель. Мне нужно выжить сегодня, а не капаться в мусоре прошлого. Мне и моим людям нужна работа. Ты можешь мне помочь?

– Работа? – Удивилась Эйтель.

– У меня хорошая команда. Они с трех лет обучались владению мечом, с пяти – езде на лошади. Они ответственны, сообразительны, выносливы и отважны. Не можешь ли ты узнать: не нужна ли кому-нибудь маленькая личная гвардия или охрана?

– Я подумаю над этим. Что если твои люди попробуют показать свои способности на турнире?

– Наши бумаги сгорели при пожаре в порту. Подтвердить свое благородное происхождение могу только я, но меня и не пустят на ристалище.

– О да, – засмеялась Эйтель.

Вейм заметила мелкие морщинки в уголках ее агатовых глаз. «Стареет, Эйтель», грустно отметила она про себя.

– После той выходки, когда ты пробралась на ристалище, заменив в финальном поединке благородного Арто Тинвильского, и навлекла позор на доброе имя Хильки Мянтувильской, во все турнирные правила внесли параграф о том, что женщине не место на арене.

– Было забавно, – вымученно улыбнулась Вейм, обнажая зубы. – Можно попытаться на бис.

– А «проверку» как ты пройдешь? – Захохотала Эйтель.

– Какую проверку?

– Ах, да, ты же не знаешь... Все, записавшиеся на поединки, должны со спущенными штанами сесть на особый стульчик с прорезью, с помощью которого, специальная комиссия на ощупь проверяет ... ммм достоин ли человек участвовать в турнире, – проговорила Эйтель, аккуратно подбирая слова.

– То есть, есть ли у него достоинство определенного размера, – перевела её слова Вейм.

– Вейм, – погрозила пальцем Эйтель, хитро улыбаясь. – Как можно?! Ты же приличная девушка!

– Конечно, конечно ... Леди Эйтель, простите, что покорила Ваш слух подобными скабрзностями, но стоит заметить, что в таком случае я действительно не попаду на ристалище.

– А ты не изменилась, Вейм. На миг, когда я зашла, мне показалось, что ты – это не ты. Ты так посмотрела, у меня аж мороз по коже прошел.

– Просто задумалась, – грустно улыбнулась Вейм.

– Не переживай, родная. – Эйтель встала и взяла Вейм за руку. Рука женщины была нежной и мягкой словно младенческая. – Все будет хорошо. Ты наверно есть хочешь! – Спихватилась она. – Я прикажу слугам согреть ужин.

– Не надо. Я сейчас спать лягу. Ты только людей прикажи моих накормить, когда вернутся.

– Хорошо,– кивнула головой Эйтель. – Вечер длинный, но и дел много. Встретимся завтра на турнире.

– Удачи тебе, Эйтель. Спасибо что зашла.

Женщина кивнула, прощаясь, и Вейм услышала, как звякнули серебряные сережки, столкнувшись с окантовкой высокого воротника. Кот проследовал за хозяйкой, махнув на прощанье белоснежным пушистым хвостом.

Глава 3. Пропажа

Великий Дракон уже давно прикрыл уставший за день золотой глаз, и смотрел с небес серебряным глазом, но в тесной комнате одной из башен Драгонхолла всё еще горел свет. Устроившись в накрытом шкурой кресле, у жарко натопленного камина Маа читала. Кресло было огромно. Его резная спинка, плавно переходившая в подлокотники, мягким коконом защищала от сквозняков и убаюкивала. Тихо трещали толстые свечи в причудливом бронзовом канделябре, да огонь в камине весело плясал на сосновых поленьях. Маа сосредоточенно водила стальным ногтем по строчкам на беленом листе толстого манускрипта. Книга была новой и дорогой: ее украшенная крупными камнями кожаная обложка врезалась в низкую подставочку, а белоснежные клейкие страницы еще не успели пожелтеть от времени. Маа любила читать. Люди, знавшие об этой маленькой слабости, старались всеми правдами и неправдами достать редкие книги. Взамен, они на короткое время получали помощь и покровительство Маа, что стоило дорогого в узких коридорах Драгонхолла. Чтение успокаивало и давало отдых разуму. Поэтому Стальная Маа старалась проводить редкие свободные минуты в тесной комнате одной из многочисленных башен Драгонхолла. Здесь, наедине с книгой, она чувствовала себя уютно и спокойно. Здесь был её дом, её гнездо.

Служка, следящий за свечами, давно дремал под треск поленьев, свернувшись калачиком на низенькой кушетке, как на лестнице раздался грохот приближающихся шагов. Услышав тяжелую поступь за дверью, он встрепенулся и, сонно озираясь, сел.

Низкая дверь, ведущая из комнаты на лестницу, открылась. Нет, она с грохотом распахнулась, едва не вылетев из петель.

– Где меч!? – Прогремел высокий статный молодой мужчина, грохочущим ураганом врываясь в маленькое помещение. Его большая, двухметровая фигура, казалось, заполнила всю комнату.

– Найгерт РедДреган, где твои манеры! – Спокойно проговорила Маа, снимая узкие очки в тонкой золотой оправе.

– Куда ты дела его!? Сокровищница пуста! Ты обманула меня! – Ревел мужчина, угрожающе тряся двуручным мечом. Его белые длинные волосы растрепались от быстрого бега по лестницам замка и белой гривой окружали голову, а в желтых глазах горело пламя. Мужчина тяжело дышал. – Отвечай, мать!

– Какой меч тебя, интересует? В сокровищнице много оружия. Твои предки были очень успешны в битвах. Много трофеев они привезли в Драгонхолл...

– Не заговаривай мне зубы, Маа, – перебил ее сын. – Где Меч Перворожденного Дракона?! Ты отдала его моему брату Лингерту?! Отвечай, Маа! – Зло хрипел он, сплевывая на пол. Слюна прожгла ковер, оставляя на алом ворсе безобразную подпалину.

– Я не знаю, где в данный момент находится Меч Перворожденного дракона, – спокойно ответила Маа, кладя очки на книгу. – Когда я видела его в последний раз, Илирих положил его нефритовый ларец. Ключи от ларца я передала тебе час назад.

– Его там нет! Я проверил его только что! Поклянись богами, Маа, что ты не отдала меч брату! – Взревел мужчина в бессильной ярости, ударяя кулаком по двери. Дубовые доски затрещали, но выдержали мощный удар.

– Найгерт, я могу поклясться всеми богами, кровью моих предков и будущих потомков, что не передавала меч Лингерту. Я против того, чтобы вы использовали семейные артефакты в своих разборках. Меч Перворожденного дракона – это не игрушка! Он содержит в себе огромную силу. Силу, которой не каждый сможет подчинить и управлять. Силу, которая, вырвавшись на свободу, может причинить многие беды. Многие века Меч был проклятием нашего рода. В этой братоубийственной войне, которую вы с Лингертом развязали, ему не место!

– Не я начинал эту войну! Это Лингерт не подчинился, решению Совета назначить меня Королем Драконьих Земель,— оскалился Найгерт, обнажив клыки.

– И что ты хочешь от меня? – Вскинула бровь Маа. – Всё, что можно, я сделала. Я отправила Вейм подальше от наших земель, я заручилась поддержкой армии, я успокоила соседей. Будь добр, договаривайся с братом сам! Я мать, и люблю вас одинаково. Я не могу помогать кому-либо из вас, обделяя другого. И не заставляй меня принимать чью-либо сторону!

– Хорошо, – тяжело дыша, кивнул головой Найгерт, хватаясь за дверную ручку. Медная ручка громко скрипнула в его могучей руке. – Но смотри, Маа, если я узнаю, что ты передала меч Лингерту... – С угрозой в голосе проговорил он оборачивая.

– Не узнаешь.... – Спокойно произнесла Стальная Маа, когда дверь за сыном с грохотом закрылась.

Глава 4. Турнир

Вейм проснулась с первыми лучами солнца от пряного аромата жаркого манившего с улицы. В животе предательски заурчало. Она встала, оделась, умылась и направилась в соседнюю комнату.

– Так... я чего-то пропустила в этой жизни? – Удивленно проговорила девушка. Перед ней открылась потрясающая картина: её команда чистая и довольная сидела у низкого, накрытого льняной скатеркой столика и с аппетитом трескала горячую овсянку оловянными ложками. Над пузатыми глиняными горшочками поднимался белый пар, а в каше плавали желтые кружочки масла. Посреди столика лежал большой кусок окорока с вареными овощами, рядом стояли тарелочка с ломтями сыра, крынка парного деревенского молока и корзинка со ещё горячими ароматными булочками.

– Вы совершили дерзкий налет на кухню, по дороге обобрав кладовые? – Строго спросила она, хватая булочку и намазывая ее маслом. – Ущипните меня... – Удивленно протянула она, чуть не подавившись булкой, увидев в дверях Авундия с полным подносом еды. Вокруг левого глаза Авундия расплылось сиреневое пятно свежего синяка.

– Кушайте, кушайте, – проговорил он, быстро выкладывая принесенную снедь на столик.

– Авундий, что происходит?

– Эти люди... эти замечательные люди... – пробормотал он и выскочил за дверь.

– Авундий, куда ты... – успел крикнуть Хаген. – Посиди с нами.

– Кто-нибудь мне внятно объяснит, что с Авундием? То, что он упал головой и окончательно повредил мозг, я вижу, но вот причину падения мне хотелось бы знать. Надеюсь, вы не имеете к этому никакого отношения?

– Он просто вчера немного перенервничал.

– Перенервничал, сходяв с вами в баню? Интересно, в какой именно момент: до, во время или после?

– На обратном пути. Когда мы когда возвращались обратно, мы пошли вперед, а Авундий встретил знакомого и отстал. Около дома мы обернулись, что его нет. Мы посоветовались и вернулись той же дорогой. Через два квартала нашли его, прижатого к стене тремя головорезами. Тот знакомый и его дружки завели его в соседний проулок и пытались стрясти денег. Ну, мы их быстренько раскидали, а Авундия домой принесли. Он как все закончилось, ту же в обморок грохнулся: пришлось на себе нести. Тяжелый, зараза! Хотя, – немного подумав, продолжил Хаген. – на его месте я бы тоже испугался.

– Да? Хаген, ни дня без геройского поступка! – С сарказмом заметила Вейм, отрезая толстый ломоть окорока.

День, начинавшийся с сытного завтрака, просто обязан был быть чудесным.

С первым ударом колокола, звавшего горожан на утреннюю службу, они уже были на площади. Ирсен и его люди ждали их под знаменитыми Мянтувильскими часами, висевшими на отреставрированной к приезду короля ратуше. Многие люди специально приезжали в город для того чтобы посмотреть на это чудесное творение рук человеческих. Часы были резные, деревянные, покрытые эмалью и позолотой. Они показывали не только час и минуту, но и день, месяц и год, а так же положение небесных светил, время года и погоду. Фигурки каждый час разыгрывали сценки из сельской жизни. Вот и сейчас, под восторженные крики немногочисленных зрителей, позвякивая деревянными костями и посеребренной косой, смерть танцевала под дудочку пастуха. Народу на площади было не много: плотники, сколачивавшие трибуны из свежих досок; рабочие, развешивающие флаги и ленты; торговки цветами и пирожками; парочка ушлых ростовщиков собиравшие ставки на предстоящие бои, сонные глашатаи со свитками; стража, увлеченно резавшаяся в кости на солнышке, и мелкие чиновники, сле-

дившие за приготовлениями. Передав Ильмару сумку с остатками завтрака, Вейм подошла к столу, на краю площади, где тощий писарь заносил всех желающих участвовать в соревнованиях лучников. Желающих было не много, так за двадцать золотых, служивших платой за участие в турнире, в ярмарочный день можно было купить пять коз или теленка.

Сами состязания лучников проходили у сельского рынка, что располагался за западными воротами. В другое время на этой ровной, посыпанной свежим песочком площадке выступали бродячие артисты и ряженые, проходили праздники для жителей окрестных деревень. Пока участники пристреливались, а зрители устраивались на трибунах, Вейм и Илана послонялись по рынку, накормили Ингера и купили вина у монахов, привезших божественный напиток с самого Тайвела.

Так как Илана оказалась в самом конце списка, она стреляла последней. Её очередь подошла лишь к обеду, когда жаркое солнце слепило глаза. К тому времени основные претенденты на победу уже были определены и лучники, не стесняясь, делили награду, похлебывая холодное пиво под навесом.

Пока последние участники превращали разукрашенные мишени в деревянных ежей, Вейм объяснила нехитрые правила соревнования, и Илана, не торопясь расчехлила свой боевой лук. Плечи лука были сделаны из чуть шершавой на ощупь темно-зеленой кости, выделявшейся на фоне пожухлой от жары травы. Из чего были изготовлены остальные части лука, знал только мастер, создавший сие удивительное оружие. Протирая лук, женщина беззвучно разговаривала с оружием, словно со старым другом, с которым она была разлучена долгое время. Едва шевеля губами, она гладила его посеребренную поверхность, шептала слова приветствия, просила быть метким и извинялась за то, что оставила без дела. Наконец, лук был почищен и собран.

– Ингер, посмотри, куда стрелы упадут, – наказала она сыну, поправив рыжую косу. Голос ее был спокоен и тих. Женщина не торопясь встала в стойку и прицелилась, растягивая лук. – Боги Ветров, призывая вас! – Прошептала она, отпуская тетиву.

Тяжелая боевая стрела, разрезав раскаленное марево воздуха, пробила центр мишени и воткнулась в сухую траву. Следующая стрела последовала за ней, пробив деревянный барабан чуть ниже. Зрители удивленно ахнули. Мужчина в пестрой куртке, которого окружающие поздравляли с победой, с досадой хлопнул кружкой о стол. Стекло доньшко со звоном отвалилось, пивная пена окатила двух его товарищей и, пузырясь и шипя, растеклась по столешнице приторной лужицей. Ни одна из шести стрел выпущенных Иланой не вышла за центральный круг мишени.

– Спасибо, Боги... не поспею. – Тихо проговорила Илана, погладив тетиву затянутой в перчатку рукой. Перчатки из тонкой изумрудной кожи Илана получила в подарок от мастера изготовившего лук.

– Да она ведьма! – Громко возмутился фаворит. – Братцы, оружие у нее заговоренное.

– Молодой человек, умеете достойно проигрывать, – Усмехнулась Вейм. – Уважаемые судьи, все честно. Где мы можем получить награду?

– Честно, да не честно... – Проговорил тощий писарь, почесывая лысую макушку.

Скучный турнир, с заранее известным концом становился интересным. Вечный победитель подобных мероприятий, главный лесничий лорда Мянтувильского, Отто Лучник проигрывал пришлой девушке.

– Уважаемый, сомневается в нашей частности? – Проговорила Вейм спокойно. – Участница стреляла, как и все: с черты. Стреляла по своей очереди, и поразила мишень в самое яблочко. Её результат лучший: следовательно, награда её.

– Лук у нее чудной и стрелы странные, – проговорил писарь, не переставая чесать плешивую макушку.

– Вот про стрелы и лук в регламенте состязания ничего написано. Покажите мне строчку в правилах, где сказано, что наш лук не соответствует.

– А откуда ты взялась такая ученая, а? – С угрозой в голосе проговорил «фаворит».

– Вейм РедДреган, в девичестве Вейм Таммивильская, дочь Эрика Таммивильского и Веспер Таммивильской.

– Ты ж вроде померла! – Охнул писарь, шаря за пазухой в поисках оберега.

– Извините, но я, к сожалению, жива, – спокойно проговорила Вейм.

– Я требую реванша! – Рывкнул «фаворит».

– А на каком основании, уважаемый? В правилах четко сказано: шесть стрел, одна попытка.

– Так-то оно так... но лук, говорят, заговоренный...

– Плохому танцору... эмм лучнику и лук заговоренный.

– Ты говори, да не заговаривайся, девка! – Угрожающе пробурчал «фаворит» нависая над Вейм. Худенькая женщина едва доставала ему до плеча.

– Девки – на базаре семечками торгуют. Я дочь Эрика Таммивильского, сына Эдгара Тамирского, – сквозь зубы процедила Вейм, кладя руку на перевязь. – Следите за своим языком, уважаемый.

– Сама бы голову свою голову поберегла, новую то не выдадут, – усмехнулся фаворит. – Да и на твоём месте я бы нор свой поостерегся показывать. Здесь не Таммивиль, тут можно и по шее схлопотать. Охраны-то у тебя, как вижу, нет, да еще золото забрать собралась. Леса вокруг темные, заводы глубокие, а улицы кривые. Ушкуйничков развелось много, это ты мне как Главному Лесничему поверь: не пройдет и дня как твоё тельце найдут в городском рву. Мы с лихими людьми, конечно, боремся, да все без толку: их ныне, как опарышей в гнилой тушке.

– Вот и занимайтесь своими непосредственными обязанностями, а не по состязаниям лучников болтайте, – отрезала Вейм. – И не имейте дурной привычки считать золото в чужом кармане.

– Это еще разобратся надо чье золото! Лук заговоренный, значит, победа присуждается второму по результатам.

Пока Вейм разбиралась с организаторами турнира, Илана вместе с сыном сидели на ограде стрельбища и рассматривали белые облака, неспешно плывшие по голубому небосводу. Они стояли, но не вмешивались в перепалку всецело поглощенные созерцанием голубого неба с низко плывущими, кучерявыми облаками.

–... Облака, мой милый, это вода. Капельки воздуха смешанные с капельками водяного пара выдыхаемые небесным Драконом, что дремлет, укрыв землю своими бирюзовыми крыльями. Солнце его правый глаз. Им он наблюдает за своими детьми днем, а Луна – левый. Великий Дракон настолько древний, что не может открыть оба глаза одновременно. Если это ему удастся, то силы скоро покинут его, он уснет. Тогда мир погрузится во мрак. Темные нападут и убьют его и его детей. И времена начнутся сначала.

– Илана, прости меня, что прерываю семейную идиллию глупыми вопросами, но скажи мне, если тебе предложат еще пострелять, как ты думаешь, каковы твои шансы? – Вейм вынырнула из толпы зевак и подошла к Илане.

– Ну, – протянула женщина задумчиво. – Могу попасть, могу и не попасть: все в руках богов. А что господа очень сильно не хотят платить?

– Да им не денег жалко. Нет, денег им, конечно, тоже жалко, но их больше раздражает то факт, что победа уплывает из рук. Надо постараться, Илана.

– Ну надо так надо... – Пожала женщина худенькими плечиками.

– Предлагаю пари: три стрелы... Выигрывает моя подруга: забираем. Проиграем: отказываемся от всех денег. Ну как? – Обратилась Вейм к писарю и Отто.

– Она ж и так выиграет... у неё ж лук заговоренный...
– Хорошо. – Вейм достала из чехла свой лук. – Он тоже заговоренный?
– Может быть, заговоренный, а может и нет... Откель ж я знаю-то? Я ж не ведун какой-нибудь в заговоренных вещах разбираться! – Развел руками писарь.
– Уважаемый не может определить заговоренный ли лук?!
– Этот лук точно зачарован! – Отрезал Отто, даже не взглянув на оружие.
– А твой лук «чистый»? – Оскалилась Вейм. – Неужели ни разу не ходил к какой-нибудь бабке-знахарке, чтобы немного пошептала или руны вырезала в незаметном месте, например, под оплеткой?!

При упоминании бабки ведуньи, Отто стушевался.

– Лук Отто Стрельца не заговоренный. Пусть твоя лучница стреляет из него, – к ним подошел грузный мужчина, в длинном парчовом кафтане и маленькой меховой шапочке.

– Так-то оно так... – Проговорил писарь, поклонившись мужчине.

– Уважаемый помощник мэра, это не законно я буду жаловаться! – Взревел «фаворит» Отто. – Я не доверю оружие этим... этим... женщинам! Оно денег немалых стоит. Да и не дело это – давать благородный лук в руки кому попало!

– Испортят – вернут полную стоимость. Или отдавай лук или отказывайся от своих претензий! Не испытывай терпение зрителей! – Проговорил мужчина, утирая шелковым платком капельки пота проступившие на широком изрезанном тремя поперечными морщинами лбу. Смахнув пот с густой бороды, он продолжил. – Уже полдень, и мы все еще хотим попасть на турнир, поэтому я, как помощник мэра, настоятельно советую поторопиться.

– Хорошо, – сквозь зубы проговорил Отто, отдавая оружие и стрелы. – Но я все равно буду жаловаться Господину Мэру!

– Это твое право. Мы свободные граждане Мянтувиля... – Отмахнулся помощник.

– Стрелять придется из него, – проговорила Вейм, снова появляясь перед Иланой.

– Стрелять можно и из палки... Попасть сложно, – покачала головой женщина, осматривая оружие – Это мужской лук. Сильная тетива. Хорошее дерево. Но для меня он тяжелый и неудобный, да и конструкция другая, не та, к которой я привыкла.

– Все равно попробуй.

Илана спрыгнула с ограды и пошла к черте, намалеванной рыжей краской на сухой вытопанной траве. Лучница долго примеривалась, натягивала непослушную тетиву. Деревянная дуга нехотя гнулась и тихонько скрипела, а пальцы скользили. Вейм, посмотрев на мучения, зло фыркнула и направилась к женщине. Подойдя, она споткнулась и под громкий хохот толпы растянулась у ног лучницы.

– Ты не ушиблась? – Удивленно спросила Илана и протянула руку, помогая ей встать.

– Со мной все в порядке, – усмехнулась Вейм, быстро одевая на большой палец правой руки лучницы костяное кольцо причудливой формы.

– Откуда эта вещь у тебя? Маа запретила вывозить подобные вещи из Драгонхолла, – еще больше удивилась Илана.

– Подарок мужа. Вернешь, когда деньги получим.

– Фарлайт, – чуть слышно произнесла Вейм, не выпуская ладони лучницы. Тень едва заметная в раскаленном полуденном воздухе скользнула по руке и растворилась в дуге лука.

– Не честно это, – покачала головой Илана. – Пользовать заколдованные предметы в поединке.

– Не честно говоришь, – презрительно фыркнула Вейм. – Где это видано стрелять из чужого лука после победы! Ну... удачи, – хлопнула по плечу лучницы Вейм и направилась к наблюдавшим за ними Отто, писарю и помощнику мэра. – Волнуется, девушка. Поддержать нужно было.

– Тяжеловат лук для девки, – заметил Отто.

– Спорим на сто золотых, что все три стрелы попадут прямо в центр мишени.

– Идет, – улыбнулся Отто.

Прицелившись, Илана подцепила тетиву ушком кольца, и, задержав дыхание, выстрелила. Затем еще и еще... Все три стрелы попали точно «в яблочко».

– Да что ж это такое-то! – В сердцах бросил «фаворит» Отто.

– Сегодня явно не твой день, Отто. Видимо богов чем-то прогневил, – развел руками помощник мэра.

Отто подбежал к Илане и, вырвав лук, и начал придирчиво осматривать оружие. Внешне лук был цел: мужчина не нашел ни единой новой царапины или скола, тетива тоже была в порядке. Даже оперенье стрел было как новенькое, словно и не стреляли. Лишь что-то изменилось под полированной поверхностью из темного дерева. Что-то очень важное исчезло, растворилось в полуденном воздухе, а что именно Отто понять не мог.

– Деньги? – Изящно вскинула ладонь Вейм.

– Подавись... – Мужчина швырнул под ноги тощий кожаный кошель. – Можешь не пересчитывать, всё верно.

– А зачем мне его пересчитывать? Боги – свидетели: не сойдется сумма – попрошу, чтобы наказали. Ты же, лучник, Отто. У вашего брата половина выстрела зависит от мастерства, а половина от дарованной богами удачи. Так что, с богами тебе сориться ни к чему. Как говорят у нас, «Варлайт»...

Отто что-то буркнул, бросил ей под ноги еще пять золотых, и пошел к выходу со стрельбища. Мужчина не заметил, как при слове «Варлайт» легкое облачко соскользнуло с его лука и метнулось к Илане. Дух древнего лучника, обитающий в кольце, вернулся в своё костяное жилище.

В Драгонхолле было традицией после смерти Мастера оставлять частичку души в предмете. В предметы вкладывались души успешных торговцев, художников, советников, моряков, танцовщиц и воинов – всех, кто достиг мастерства в своем ремесле и мог послужить людям и после смерти. Вейм, могла поклясться, что видела посох с душой нищего. Вещь стоила немало, и, по рассказам хозяина, знала все дороги и трактиры в Драгонхолле. Но природа не терпит перекосов, и закон равновесия действовал и на магические вещи. Были свои недостатки и у кольца, на час превращавшего самый неудобный лук в оружие, специально созданное под руку взявшего его. Торговец, продавший кольцо Илириху, рассказывал, что, надев колечко, можно даже с плохоньким луком разить цель лучше самого меткого стрелка в драконовых землях. Однако дух, живущий в артефакте, был прожорлив: вселяясь в оружие, он сжирал душу оружия, частичку тепла мастера, делающую лук не набором деревянных, металлических и кожаных деталей, а одухотворенным существом, помогавшим войну. Одним словом, Отто мог сразу выбросить свой лук, ибо удача навсегда покинула мертвое оружие.

Вейм, усмехнувшись, сунула за пазуху деньги.

– Победителем летних состязаний лучников объявляется Илана Меткая из Драгонхолла! – Прокричал писарь зычным голосом, выводя Илану в центр стрельбища. – Она награждается пятьюстами золотыми, венком из дерева лавра и всеобщим уважением и почетом. – Он торжественно возложил на голову женщине венок из пожухлых дубовых веток и вручил деревянную лакированную шкатулку с позолоченным гербом Мянтувиля на крышке. Золото же она получила в менее торжественной обстановке, за писарским столом после подписания расписки в получении денежных средств и бумаги, что лучница не имеет претензий к организаторам турнира.

Пока Илана забирала вознаграждение, народ разошелся по ярмарке глазеть на приехавших в город циркачей, пить холодное пиво в тени крытых соломой навесов под заунывные баллады бродячих музыкантов. Каждый, из надрывавших голос или брэнчавших на лютне,

надеялся попасть за стол к королю, дабы услаждая изысканный слух придворных дам и благородных господ, а развлекать пьяных крестьян понаехавших на турнир. Да и платил король значительно больше, чем трактирщики. Самой же заветной мечтой менестрелей было устроиться на службу к какому-нибудь лорду, обзаведясь теплой постелью и вкусной едой. Крестьяне, тем временем, потянулись в город. Самые ушлые еще утром заняли места на городской площади. Площадка перед ратушей была набита людьми, словно бочка с квашеной капустой, которую рачительные хозяйки вытаскивали из погреба на Белтейн. Пахла она примерно так же. Запах немых потных людских тел, пряностей, соленой рыбы и горького пива стоял над площадью. Найти в такой толпе Ирсена или кого-нибудь из команды было невозможно, а состязания уже начались. Где-то за плотным кольцом зевак раздавался звон оружия и ржание лошадей.

– Сюда, – Вейм схватили за руку и потащили к боковой улице, перегороженной королевской охраной. Женщина не сразу узнала одетого в новый щегольской костюм Авундия, причесанного и помытого. Из-под поблескивающего на солнце золотыми пуговицами темно бордового сюртука виднелась батистовая рубаша с расшитым гладью воротником. Штаны, сшитые из той же ткани, что и сюртук были заправлены в высокие сапоги из темной воловьей кожи. – Леди Эйтель извиняется, что не смогла найти Вам и вашим людям место рядом с господами. Если бы вы приехали хотя бы неделю назад... – проговорил он на бегу, не выпуская рукав Вейм.

– Ничего, я это как-нибудь переживу, – отозвалась Вейм.

Толпа была стихией Авундия. В ней он двигался проворно, словно рыба, не смотря на горб, и прочие физические недостатки. Ловко расталкивая народ локтями (видимо сказывались годы тренировок в базарных потасовках) он пробирался на соседнюю улицу. Вейм и Илана с сыном едва поспевали за ним. Пробравшись сквозь толпящихся зевак, они миновали ограждения, охраняемые городской стражей, не подпуская чернь к трибунам для господ и почетных горожан. У края ристалища Вейм заметила ложу короля, украшенную полевыми цветами и слегка выцветшей пурпурной материей с позолоченными мянтувильскими гербами. По обе стороны от короля и его семейства располагалась королевская свита и охрана, чуть дальше – трибуны со знатными горожанами. Под ложами господ были поставлены скамьи для богатых купцов и глав гильдий. Команда Ирсена сидела прямо перед королем, у самой ограды ристалища, рядом с купцами средней руки, мелкими лавочниками, владельцами палаток на рынке и красильщиками, пекарями и оружейниками.

Старый моряк был мрачнее тучи. Рядом, отвернувшись, сидел Хаген.

– Что случилось? – Вместо приветствия строго спросила Вейм.

– Эх, – Ирсен махнул рукой и отвернулся.

– Господа поссорились... – Развел руками Авундий.

– Это я и так вижу. Что случилось? Почему Хаген не на ристалище?

– Лорда Хагена исключили из участников, так как он отказался пройти проверку на мужественность, – проговорил Авундий. – А без этого по известным Вам, леди Вейм, причинам участники не допускаются на ристалище.

– Никогда, слышите, никогда, Хаген из рода БлюДреганов не будет сидеть с голой задницей на табурете посреди площади на потеху всему народу! – Рявкнул Хаген, гневно сверкнув единственным глазом.

– Во-первых ты, не совсем БлюДреган. Во-вторых, это всего лишь проверка: являешься ли ты мужчиной или нет. В турнире эм... с некоторых пор запрещено участвовать женщинам.

– Я про то же самое толкую, а он уперся, как баран.... Голубая кровь, драконьи камни мозги! Тьфу! – Сплюнул Ирсен. – Дебош устроил! Чуть писаря не прихлопнул его ж книгой для записи участников! На распорядителя боев набросился! Если бы не милость леди Эйтель, ночевать нам в городской тюрьме за драку с судьями.

– Никогда, слышите... – Взревел Хаген.

– Хорошо, хорошо, только успокойся. – Миротлюбиво проговорила Вейм, поглаживая мужчину по плечу. – Пусть будет по-твоему, Хаген. У тебя свои принципы, и я их уважаю, но набрасываться с кулаками на местных жителей... Мы здесь пришлые, чужаки, и конфликты с законом нам ни к чему. Сегодня Эйтель оказалась рядом и помогла, но в следующий раз её может и не быть. К тому же она не станет помогать людям с репутацией уголовников. Эйтель очень дорожит своим добрым именем и сомнительные люди в окружении ей не нужны. Хаген... Хаген ты меня, вообще, слушаешь?

Хаген не слышал ее. Взгляд мужчины был прикован к стройной фигурке девушки в платье цвета лесной фиалки, показавшейся на королевском балконе. Девушка была хороша собой: молочно бледная кожа, голубые огромные глаза, обрамленные пушистыми белесыми ресницами и длинные струящиеся волосы цвета золотого песка, спрятанные под плетеной жемчужной сеткой. Величаво пройдя мимо придворных дам, она опустилась на обитую бархатом позолоченную скамейку рядом с королевой и, сложив руки на коленях, целомудренно опустила глаза. Вейм видела, как в презрительной улыбке дернулись губы леди Эйтель, когда королевская племянница проходила мимо нее, и была готова отдать руку на отсечение: Эйтель ненавидела её всей душой. Ненавидела за молодость, за богатство и за восхищенный взгляд, которым её спутник, немолодой мужчина в зеленом плаще, наградил девушку.

– Кто это? – Выдохнул Хаген.

– Племянница короля, леди Брегис.

– Брегис... – Прошептал мужчина.

– Хаген? С тобой все в порядке? Я понимаю, что просьба снять прилюдно штаны могла нанести тебе душевную травму и отняла рассудок, но чтоб настолько! Хаген БлюДреган, возьмите же себя в руки и перестаньте так откровенно пялиться на девушку! Брегис всё-таки племянница короля. Мне не хочется гнить в тюрьме за неуважение к монаршей особе!

– Она словно лесной цветок, что встречает солнце ...

– Оставь его в покое, Вейм. Наш мальчик, кажется, влюбился... – Усмехнулся Ирсен.

– А можно без подобных неожиданностей, пожалуйста? Влюбленный мужчина способен наломать дров, а из дров сложат костер, на которых нас потом всех сожгут, а на вазах с нашим прахом напишут «сдохли... от мужской глупости...»

– Вейм, ты как обычно преувеличиваешь, – отмахнулся Ирсен, разваливаясь на скамье. – Наши развлечения на сегодняшний день закончены. Мы сидим среди богатых торгашей и наслаждаемся турниром. Ты выиграла сто золотых, а Илана пятьсот. Нам хватит на ближайшее время. Впереди королевский пир, а ты чернее тучи из-за какой-то белобрысой кокетки. Неужто ревнуешь?

– Я преувеличиваю?! Еще минут пять, и он начнет пускать слюни. Я его впервые таким вижу, а вопрос о моей ревности прошу снять с обсуждения ввиду недоказанности...

– Просто нашему Хагену впервые за всю его дрянную жизнь понравилась девушка.

Тем временем на арене важно прохаживались рыцари. Представление участников продолжалось, и они, услышав свое имя и титул, чинно шествовали каждый в свою сторону. «Золотые» – королевские придворные в расшитых золотом шелковых туниках поверх доспеха направлялись в западную часть ристалища, а «зеленые» рыцари в туниках из зеленого хоста с шелковой окантовкой, выставленные местной знатью и гостями турнира – в восточную. Площадка была мала для такого количества участников, и рыцари толпились по краям, рискуя попасть под копыта лошадей. Закончив читать длинный список участников, перечисляя прозвища и титулы, бывшие победы и награды, земли, принадлежащие им и их родственникам, герольды быстро зачитали правила турнира и протрубили начало конных поединков.

Вейм не любила подобные зрелища, считая их глупыми, однако зрители же были с ней не согласны. Они каждый раз замирали, когда закованные в броню всадники сшибались на полном скаку; восхищались, словно дети, когда рыцари оставались в седле после удара, и громко

вздыхали, когда выбитый из седла падал на посыпанную опилками булыжную площадь. Они переживали за любимчиков и радовались, когда копьё не очень приятного им рыцаря с треском разбивалось о щит, разлетаясь щепой по ристалищу, или, скользя по кованой поверхности, уходило в пустоту, так и не попав в цель.

Турнир будил в Вейм воспоминания о старой истории... истории большой любви превратившейся в комедию, что рассказывали в ярмарочных балаганах от Хили до Тайвела... истории, в которой у Вейм была главная роль. Когда-то давно Вейм любила Арто Тинвильского, а Арто Тинвильский любил турниры. В тот год победа на турнире юных рыцарей обещала быть самой яркой в копилке его достижений. Увы, копьё противника, пробив бок, лишило юношу возможности продолжить состязания. Видя, как расстроен жених, влюбленная Вейм взяла его одежду, доспехи и коня и заняла место Арто на ристалище. Пока девушка завоевывала трофей, круша противников одного за другим, он в неведенье коротал свои часы в тесной комнатке в таверне, опекаемый лишь своим врачом. Вейм так и осталось бы нераскрытой, тайно передав кубок после победы неудачливому жениху, если бы не глупая Хелька Мянтувильская, дочь нынешнего правителя землей Мянтувильских. Девушка устроила тайную встречу, на которой, приняв Вейм за Арто, признавалась в вечной любви, которая «никогда не угаснет в ее сердце», разрыдалась на её груди и прокляла Арто за слабый характер и преданность интересам рода, из-за которых юноша не может жениться на ней. От поцелуя и последующего за ним преждевременного разоблачения Вейм спасла служанка. Затем был финальный поединок, выигранный взбешенной Вейм и пышное награждение, на котором леди Хелька сообщила отцу, что Арто Тинвильский, как победитель турнира достоин самой высокой награды, а именно её руки. И вот тогда Вейм сняла шлем. Со злобной усмешкой она сорвала с головы ошеломленной девушки венок Королевы турнира, и, надев его, любезно отказалась от руки леди Хельки. Был жуткий скандал, закончившийся браком Арто Тинвильского и Хельки Мянтувильской, долгим заключением Вейм в башне Таммивилия, и новыми правилами в турнирном регламенте.

С тех пор много воды утекло. Ныне Арто, постаревший и раздавшийся, отрешенно грыз ногти в окружении родителей жены. Хелька монотонно что-то бубнила в ухо мужу и одергивала двух карапузов, пинавших служанок, сидящих на нижних лавках, или норовящих придавить стулом одну из мелких собачонок, крутившихся под ногами. Годы не прошли для неё даром. Хелька подурнела и высохла. Из пышной красавицы с русыми косами она превратилась в сушенную, изможденную мужем и детьми воблу. Вейм мысленно представила себя на ее месте.

– Бывший любовник со своей женой?– Осведомилась Ойра. – Ты с этой парочки уже полчаса глаз не сводишь.

– Скажем так, старый жених со своей постаревшей пассией.

– Откуда в тебе столько яда, Вейм. Мой тебе совет: забудь старое, выйди замуж, роди еще детей.

– Да, да, – добавил Ирсен. – И сделай лицо повеселее. Вон, посмотри на Хагена: у него лик младенца.

– И мозги такие же. Еще пять минут, и он начнет слюни пускать. У тебя нет лекарства от женских чар? Накапай ему грамм двести, пока дел не натворил.

– Проверила я. ... Кажется, наш Хаген действительно влюблен.

Тем временем, на арене заканчивались конные состязания. Лекари уносили тяжелораненых, слуги убирали обломки, а участники готовились к бугурту. Бугурт, древнее зрелище, переросшее из развлечения городской черни и крестьян в благородную забаву господ. Участники состязания разбивались на несколько команд и разыгрывали маленькие сражения. Побеждали захватившие больше пленных и отправившие участников других команд в лазарет. Каждый город имел свою бугуртную команду, защищавшую его честь на ристалищах. Служба в этой

команде щедро оплачивалась отцами города. В случае успешного выступления её члены получали ценные трофеи с побежденных и призы от организаторов турниров.

– Очарован он... – Фыркнула Вейм. Мы не дома, чтобы заниматься подобными глупостями.

– Вейм, успокойся. Тебе жарко или у тебя что-то болит? Благодаря твоей тетушке Эйтель, мы сидим на хорошем месте вместе с почтенными господами, – женщина улыбнулась сидящему рядом лавочнику. Лавочник покраснел и улыбнулся в ответ, за что тут же получил оплеуху от сидящей рядом дородной женщины, к его глубочайшему сожалению пришедшейся ему женой. – У нас есть еда и крыша над головой, а ты, словно сыч на пеньке, смотришь на всех исподлобья и твердишь, что все отвратительно. Хочешь, я руны кину на удачу?

– Мне еще рун не хватало.

На арене уже схлестнулись пешие и конные в бессмысленном и беспощадном поединке. О жестких правилах битвы до первой крови и там, что соперников лучше брать в плен целыми и невредимыми, участники почему-то забыли сразу, несмотря на жалобные крики герольдов, что нарушителей будут наказывать. Толпа ликовала: где ещё безопасно (а главное бесплатно!) увидишь кровавый бой, сражение, войну в миниатюре! Тем временем, фракция «золотых» уже вовсю теснила «зеленых», прижимая их к ограде ристалища. Зажатые по углам «зеленые», как могли, отбивались от вооруженной пехоты либо пытались стянуть всадников с коней, но победа была не на их стороне.

– Эх, «Желтые» наемников накупили. Кудыть нашим до них! – Посетовал сидящий рядом купец. – А господин распорядитель, песий сын, куда смотрит – то! Наши-то бьют!

– Есть правила турнира, – спокойно сказала Вейм. – Наши и чужие тут не причем.

– Наши-то они родные, на наши деньги собранные и обученные, а король мухлюет: наемников набрал, титулы им раздал, герольдов и судей подкупил.

– А почему вы так не сделали? Не заплатили более сильным бойцам за участие в своей команде? Или в вашей команде только друзья друзей лорда Мянтувильского, а нормальных бойцам подобные мероприятия дорога была закрыта?

Собеседник, задохнувшись от возмущения, пробурчал про честь, а Вейм отвернулась, не желая дальше спорить. Прошло несколько минут, и бой был окончен. Помощники лекарей быстро оттащили раненых в палатку, служившую полевым (или правильнее будет сказать «площадным») лазаретом, герольды тут же наградили победителей, оставив их чествование до вечера, чтобы возвестить о заключительной части турнира.

– Когда ж это кончится, – подумала Вейм, когда распорядитель объявил о том, что сейчас начнутся «самые главные состязания этого года, ради которых на турнире присутствует сам Король, бои из двоих участников на Кубок Короля». При упоминании имени коронованной особы разгоряченная дешевым пивом и состязаниями толпа, подстрекаемая глашатаями, взревела, и в воздух полетели чепчики, шляпы, букетики пожухлых цветов и один пустой стакан.

Вейм удобнее устроилась на деревянной лавке, облокотившись о Ирсена, прикрыла глаза. Из-под опущенных ресниц, она видела, как Эйтель что-то увлеченно рассказывала своему спутнику, указывая в их сторону. Во время ее эмоционального монолога глаза мужчины грустнели. Наконец он, изобразив жалкое подобие улыбки, кивнул седой головой, написав, что-то на аккуратном листке, размером с ладонь, передал его белокурому, похожему на ангела, мальчику-посыльному и устроился смотреть турнир, подперев щеку ладонью. Как только мальчик побежал отдавать записку, Эйтель успокоилась.

– Эйтель что-то замышляет.

– Вейм, выпей валерианки, – недовольно проговорил Ирсен. – Не мешай людям смотреть. Тут королевский боец сейчас делает бифштекс из очередного «зеленого». Видишь, тот молодой человек в позолоченных перчатках? Ставлю десять золотых, что он и будет победителем. Отличный боец: у остальных просто шансов нет. Слишком хорош! Не знаешь кто такой?

– Откуда? Я шесть лет дома не была. Кстати, для тех, кто совсем не в курсе, «наши» – это тот, «зеленый».

– Не... Ты же меня знаешь, я болею за победителей. А что за зеленых болеть? Они так... «капуста домашняя... вареная... в железной бочке». Только стаканы в руках держать умеют, что с них возьмешь... любители... У меня бабка и та лучше ножом орудовала.

Бабка Ирсена, женщина размером с добротный дубовый комод два на полтора метра, была атаманшей одной из пиратских шаек, зимой грабивших торговцев у южных берегов драконовых земель, а летом совершавших набеги на северные земли Озерного края. Родителей старый пират не помнил, только свою бабушку, всю свою большую душу вложившую в воспитание единственного внука. С малых лет она обучала его пиратскому ремеслу, знакомила с нужными людьми, холила, лелеяла и кормила по воскресеньям пирогами с капустой. Она умерла несколько лет назад, в те страшные годы, когда в драконовых землях свирепствовала чума.

Сегодня боги совсем отвернулись от «зеленых». Рыцари в золотых туниках сначала расправилась с их всадниками, затем погоняя по полю пехоту зажали ее в угол и торжественно взяли в плен. Все это время лорд Мянтувильский старательно делал мину при плохой игре подопечных. Он кисло улыбался, поздравлял короля с очередной победой, но с каждым разом все больше сжимал скрещенные на груди руки. Внезапно из толпы музыкантов и слуг возник белокурый мальчик-посыльный и протянул сложенный вчетверо листок. Пробежав глазами по записке, лорд кинул её секретарю и, наклонившись к королю, быстро затараторил, улыбаясь словно кот, получивший сметану. Если бы из улыбок можно было получать сладости, то сладостями из улыбки лорда Мянтувильского можно было бы накормить всех оборванцев из приюта Босоногого Бродяжки при храме Бога Пути, покровителя всех путешественников, торговцев и пиратов.

Тем временем, королевские рыцари, добив своих соперников, стояли посреди арены, в ожидании награды. Однако герольды не торопились объявлять победителей. Они долго совещались с распорядителем турнира, шептались с королем и лордом Мянтувильским. Наконец, распорядитель, окруженный кучкой герольдов, вышел на середину ристалища.

– Жители города. Сегодня в серии поединков победили люди короля. – При этих словах толпа разделилась на два лагеря, сочувствующие «местным» побежденным и восхваляющие «пришлых» победителей. – Однако у нас на турнире гости. Доблестный лорд Хаген БлюДреган и его люди из далекого Драгонхолла.

Вейм поперхнулась и открыла глаза.

– Лорд Хаген высказал свое желание участвовать в нашем турнире, но по не знанию правил он отказался проходить проверку на мужественность и не был допущен к состязаниям. Однако, если лорд пожелает, он может сразиться с нашим победителем турнира.

Ирсен громко переводил слова распорядителя окружающим.

– Желает, – крикнул Хаген, перемахивая через перила.

– Хаген, я приказываю тебе остановиться, – потребовала Вейм на драго, но ее голос потонул в крике зрителей. – Ойра останови его!

– Вейм, успокойся. Нашему Хагену улыбнулась удача. Ты ж еще утром мечтала, чтобы он оказался на ристалище! Радуйся, твои мечты услышаны богами.

– Сейчас наш доблестный Хаген положит на лопатки победителя. Потом мои расправятся с его командой. Им с их доспехами, опытом и оружием – все равно, что у дитёнка леденец отобрать, а потом Хагена назначают победителем турнира.

– Это же замечательно! – Ойра улыбнулась.

– И догадайся, кого он выберет королевой турнира!

– Вейм, ты что ревнуешь, что это будешь не ты?

– Ойра, очнись! Он выберет Брегис, племянницу короля. Эйтель её не переваривает. Чувствую, что кашу с новым участником тетушка заварила только для того, чтобы стать Королевой турнира и утереть ее хорошенький носик. И представь, как Эйтель расстроится, когда ее планы рухнут! Да она нас на клочки порвет! А если не порвет, то сделает нашу жизнь невыносимой. У Эйтель связи и отличная память.... Ойра, ты можешь что-то сделать? Наслать временную порчу на Хагена, проклятье или еще что-то?

– Увы. Доспехи не восприимчивы к подобному. К тому же, на Хагене амулетов, как на йольской елке... Богов призывать даже не пытайся. Для того чтобы проклятье сработало, нужно время и правильно проведенный ритуал.

– А Ирсен, где? – Обернулась Вейм. – Он же только что был рядом!

– Ирсен сказал, что водички пошел попить, – ответил за Ойру Ильмар.

– С каких это пор старого морского волка стала мучить жажда? У него ж бурдюк с вином на коленях стоял!

Ильмар пожал худенькими плечами.

– Мне его найти? – Осведомился подросток.

– Сидеть! – Рявкнула Вейм.

– Вейм, не кричи на ребёнка. Он ни в чем не виноват!

Вейм злобно скрипнула зубами, но в спор вступать не стала.

Бой уже заканчивался. Бывший победитель лежал в центре ристалища, так и не поняв что произошло. Он обалдело крутил кучерявой головой и шевелил разбитыми губами. Меч его, срезанный у основания гарды, торчал в правом углу ристалища. Мятый шлем его валялся рядом с трибунами короля. Пучки цветов приколотые к деревянным опорам помоста осыпались. Их лепестки покрывали шлем розовой горкой. Хаген же приняв горделивую позу победителя стоял рядышком, держа в руках меч.

И вот теперь уже король улыбался, требуя сатисфакцию.

Единственным ремеслом, которым владел Хаген, было военное дело. Будучи бастардом Хаген не мог получить хорошее образование, да и не стремился к нему: университетские стены давили, лекции навевали скуку, а книжная пыль вызывала стойкий насморк. Единственной книгой, которую он осилил до конца, был Кодекс Войны: сборник по тактике, стратегии и военному ремеслу. Его растили воином. Смелым преданным оружием, способным как безропотно подчиняться командованию, так и вести за собой. Он не мог музицировать, петь баллады, цитировать философов и ученых, плохо разбирался в травах, имел смутное представление об истории, в танцах наступал дамам на ноги, ненавидел сплетни и призывал политику. Единственное, что он умел делать хорошо – это воевать. Он разбирался в навигации, стратегии ведения войны, оружии и оружейном деле. Единственным достойным противником из «золотых» был победитель турнира Ласко по прозвищу Вепрь, но к началу поединка он устал от жары и драк. Назначить еще один бой было самодурством короля, и вот бывший победитель лежал, распластавшись, словно большой студень, поймав солнечным сплетением ловкий удар. В другое время Хаген бы извинился и распил бы с Ласко по кубку хорошего вина, но сейчас все его мысли были заняты леди Брегис. Уложив огромного Ласко на посыпанную опилками брусчатку, он искренне расстроился, что дама могла не оценить мастерства владения мечом, и на остальных соперников тратил гораздо больше времени, превращая поединки в эффектное зрелище. Его противники напарывались на собственные мечи, описывали в воздухе пируэты и внезапно падали на ровном месте.

Зрители в восторге хлопали, свистели и дудели. Король сидел, закрыв лицо ладонью. Лорд Мянтувильский то багровея, то белея, ерзал на стуле, словно сел на ежа. Оглушительная победа не входила в его планы и была скорее вредна для его дальнейших замыслов. Он должен был проиграть турнир, но проиграть мягко, с минимальным перевесом в сторону команды короля. Леди Эйтель ликовала, представляя на своей голове венок Королевы Турнира. Брегис

томно хлопала длинными ресницами и поджимала пухлые губки. Все происходящее ее забавляло. Вейм молча хлебала вино из фляги, от ярости впиваясь в горлышко зубами. Наконец, последнего из команды короля потащили с поля помощники распорядителя турнира. Сам распорядитель уткнулся в турнирные коды, ища подсказку, как разрешить сложившуюся ситуацию: обижать короля проигрышем не хотелось, в то же время не признать победу Хагена было нельзя. Книжки молчали, и распорядитель нервничал, люди ждали. Наконец король, выждав паузу, подобрал полы расшитого жемчугом пурпурного плаща, поднялся с кресла и, взяв два посеребренных дубовых венка рук лорда Мянтувильского, спустился по широкой лестнице к ристалищу и подошел к Хагену.

– Благородный Хаген, – проговорил он, обращаясь к толпе. – Честно одержал победу над моими войнами на площади славного города Мянтувиля и присутствующие этому свидетели. В честь этого, он награждается кубком и Правом сидеть рядом со мной во время Вечернего Пира. Так как лорд Мянтувильский пожелал взять его в свою команду, то в сегодняшних поединках победили защитники Мянтувиля.

Толпа взревела удовлетворенная решением короля, распорядитель с облегчением вздохнул. Когда шум немного затих, король поднял руку, призывая толпу замолчать.

– По правилам лорд Хаген может выбрать Королеву турнира, – проговорил король, протягивая венок. Его оруженосец услужливо протянул Хагену копьё.

Турнирные правила в Озерном в озерном крае не отличались от правил поединков, принятых на родине Хагена, за исключение того, что в Драконовых землях «на мужественность» не проверяли. Медленно, пытаясь скрыть смущение, мужчина прошел вдоль трибун и протянул венок Брегис. Девушка кокетливо зарделась и, сняв венок с копья, возложила его на голову. Толпа разразилась овациями.

– Твою же ж мать... – Выдавила Вейм, прикрывая лицо руками. – Ищем Ирсена и уходим.

– Госпожа, Вейм. Леди Эйтель желает Вас видеть. – Послышался за спиной голос Авундия. Тон, которым была произнесена фраза, говорил о том, что разговор предстоял долгий и мучительный.

– Хорошо, – я сейчас присоединюсь к ней.

– Вы немедленно присоединитесь к ней, леди Вейм.

Вейм кивнула.

– Дождитесь Ирсена. Встретимся в «Приюте паломника», – прокричала она на прощание Ойре.

Не смотря на то, что леди Эйтель требовала, чтобы Вейм немедленно явилась к ней, сама женщина на встречу не торопилась. Вейм полчаса прождала ее в кабинете, рассматривая золотые завитки на зеленых обоях. Когда ж леди Эйтель соизволила появиться, Вейм предпочла еще бы часок поглазеть на обитые тканью стены, нежели встречаться с тетушкой.

– Что это все значит? – Сверкнула глазами женщина, усаживаясь в кресло.

– Люди – идиоты...

– Это я знаю. Я не требую отдуваться за все человечество. Мне достаточно объяснений сегодняшних поступков. Когда я давала Хагену шанс показать себя и попасть в свиту короля, я надеялась на другие действия с его стороны. Знаешь, за добрые дела нормальные люди обычно благодарят. Для начала, мне хватило бы мелкого титула Королевы турнира. И что я получила? Титул отдали этой корове Брегис, я стала посмешищем в глазах моего мужчины, а еще и лорд Мянтувильский отказался меня принимать! Что ты молчишь, Вейм?!

– Мне просто нечего ответить, Эйтель. Я понимаю твою обиду и злость. Я бы с удовольствием отдала корону тебе и вообще бы не пускала Хагена на ристалище. Но я была бессильна что-то сделать! Хаген, увидев Брегис, потерял голову и начал совершать глупости. Я впервые в жизни его таким вижу.

– А ты не могла раньше предупредить, что он... не в себе? Если бы я знала, что он такой бабник!

– Нет, это случилось минут за десять до того, как Король вызвал его на ристалище. Брегис его первое увлечение. И если учесть, что она племянница короля, то и последнее.

– Я тебе не верю.

– Мне нет причины обманывать тебя, Эйтель. Не веришь мне, поговори с ним сама. У него слюна начинает капать при одном упоминании о леди Брегис. Я молю богов, чтобы он быстро успокоился, как только добрые люди намекнут ему, что Брегис ягодка не с его поля. В любом случае нам нужно извлечь пользу из этой дурацкой ситуации или хотя бы удержать Хагена от еще более идиотских поступков. Хотя последнее возможно, но маловероятно.

– Я уже попросила Авундия присмотреть за ним.

– Хорошо. Я все же хочу извиниться. Эйтель, я знаю, что мы испоганили тебе праздник, и я постараюсь сделать все, чтобы загладить вину. Видят боги, я не хочу с тобой сориться. Я уверена, что и Хаген не хотел тебя обидеть. Он просто влюбленный дурак.

– Ладно, считай, что ты прощена, но наказание для тебя я уже придумала: будешь сопровождать меня на сегодняшнем вечере. Платье для тебя я оставила у горничной. Можешь взять своих людей, – Усмехнулась она.

Леди Эйтель знала толк в изощренных пытках. Платье предназначено Вейм было темно-синее, бархатное и узкое. Корсет был затянут так, что едва можно было дышать. Туфли были на размер меньше. Длинный шлейф и юбка путались под ногами.

– Какой ужас, – только и проговорила Вейм, разглядывая свое отражение в высоком овальном зеркале.

– Я тоже так считаю, – затрещала служанка, подкалывая булавками подол. – Платье давно вышло из моды. Волосы я бы распрямила и перекрасила в белый, а туфли просто ужасны. Но вы еще Эджени не видели. Она в своем зеленом платье похода на богомола... А вот Кайли...

– О боги, оставь в покое мои мозги... – запричитала Вейм, перебивая словесный поток.

– Ну знаете ли... – Обиженно замолчала девушка, ткнув в щиколотку иголкой.

Вейм сжала зубы от боли, но промолчала. Потратив на сборы еще час, женщину наконец доставили во дворец мянтувильских правителей. Вечеринка была в самом разгаре. Старый шут развлекал гостей не менее старыми шутками. Барды пели о героях и славных битвах прошлого заунывные баллады. Музыканты тихо играли, не мешая гостям набивать брюхо и беседовать. Сухо поздоровавшись с родней, женщина, прихрамывая, поковыляла к дальнему концу стола, где уже расположилась команда.

– Вейм, – заорал Ирсен, перекрикивая всех соседей. Ирсен был нетрезв.

– Что празднуем? – Спросила Вейм, присаживаясь напротив. Между Ойрой и спящим молодым человеком из группы трубадуров.

– Ну во-первых, Хаген победил. И не просто победил, а начал взбираться по карьерной лестнице и обзавелся дамой сердца, – проговорил он, наполняя кубок красным вином, от которого подозрительно тащило спиртом.

– А во-вторых, – продолжила его мысль Ойра. – Мы смогли неплохо на этом навариться. Ирсен сделал крупные ставки на победу Хагена. Теперь у нас денег столько, что хватит до зимы.

– И предлагаю за это выпить! – Рывкнул Ирсен, поднимая кубок. – За Удачу!

Вейм залпом выпила.

– Слушай, что-то твои соплеменники какие-то тихие: ни песен не поют, ни танцуют. Тут королевский пир или сборище жриц из храма Непорочных дев?

– Пир, и поэтому веди себя потише. Народ уже оглядываться начал.

– Ну, просто народ свое уже отгулял, – Улыбнулась Илана, кивая на соседа Вейм. Они с обеда за столом сидят.

– Трубадуры.... – Скривилась Вейм.

– Они песни пели, госпожа. Только нудные какие-то: слов не разобрать, и мотив жалобный, словно покойников хоронят. Может мы тоже что-нить споем?– Проговорил Олли Долговязый, доставая лютню.

– Э не... это без меня,– махнула рукою Вейм, залпом осушая еще один кубок.– Мне еще при рождении медведь по ушам прошелся. Когда я пела, сестры в ужасе выбегали из комнаты, моля пощадить их уши.

– Ну «змеиный хвост» Вы же можете поддержать?

– Давай, Вейм, начинай!

– Нет, и не проси.

– А давайте все попросим Вейм...– Заорал Ирсен, поднимая кружку.

– Ирсен, ты пьян, а я не буду поддаваться на твои провокации.

– Змеехвост! – Заорал он.

– Змеехвост! – Поддержали другие, стуча по столу так, что подпрыгивали глиняные блюда с закуской.

– Хорошо, – сдалась Вейм.

«Змеехвост» – любимая застольная забава на Драконьих островах. В нее играли взрослые и дети, на пирах и перед битвой. Правила были просты: каждый участник добавлял по одной строчке в песню, чтобы получилась история. Самые удачные истории перепевали позже.

– Ну что ж Вейм, тебе предоставляется право стать головой змеи.

– Лучше б денег дали что ли ...

– Госпожа Вейм! – Недовольно проговорил Олли. Его длинные пальцы прошлись по струнам лютни, и старинная мелодия разлилась над столом.

– А «кантеле» нет?

– Вейм, начинай уже.

– Ну раз нет кантеле, сойдет и лютня,– пожала плечами девушка. – Хей, усталый милый путник, нудным голосом протянула она, не стараясь попадать в мелодию.

– Расскажу тебе я сказку– подхватила Ойра.

Про могучего Дракона,

Что крылами чертит небо,

Что дыханьем портит воздух

Про его жену младую и соседа – упыря.

Раз ушел дракон за златом:

Не хватило ему денег.

Не хватило ему денег:

Очень жадный был дракон.

Говорили ему люди,

Что не стОит, что не стОит

Оставлять жену одну.

Только вышел из пещеры,

Широко расправил крылья,

Чтоб поймать в них теплый ветер,

Чтоб лететь в людские земли,

Чтобы грабить караваны,

Жечь деревни, убивать.

Только вышел он из дома,

а упырь наш тут как тут.

Ходит он по его дому,

В шубе золотой драконьей,

Пьет вино из его кубка,

С молодой женою спит...

– За такие песенки вас бы Драгонхолле еще б станцевать заставили... босыми ногами ... на углях... за оскорбление родственников....

– Вейм, не занудствуй, – пробасил Ирсен и продолжил.

Но пришли к дракону гости:

С вилами пришли крестьяне,

С копьями пришли солдаты:

Наградить хотят дракона

За заслуги за былые,

За загубленные жизни,

За сожженные поля.

А награда всем известна,

А награда всем известна:

То разрубленное брюхо,

Каленым копьем по морде

И в Острой стрелой в глаз.

Обманулися вояки

Увидав златую шубу,

На руках перстни дракона,

Даже спрашивать не стали:

Порешили упыря.

Через год дракон вернулся:

Нету ни жены, ни злата.

Лишь у входа,

Лишь у входа

Горкою лежали кости.

Горевал дракон не долго:

Вновь вернул свои богатства,

Спер у герцога жену.

– Мораль сей дивной песни,

Что сидите лучше дома,

Пейте чаю, ешьте булки

И гостей незваных иль званых

Не пускайте на порог! – закончила Вейм.

– Глупая мораль, – заметил Ильмар. – Нужно было что-то вроде: «Нечего лазить к соседу, пока его нет дома!»

– У Вейм просто сегодня поганое настроение. К тому же, она не любит негероические песни про драконов.

– А героические?

– Героические любит, – отрезала Вейм, задирая до колена подол юбки. – Боги, как же хорошо жить! – Проговорила она, стаскивая с онемевшей ступни туфельку.

– Могу поздравить, у Вас очаровательные ножки, – сосед, разбуженный неловким толчком локтя под дых, проснулся и теперь пялился на колени мутными глазами. Вейм одернула юбку и, глянув на него недобрый взглядом, отвернулась. – Девушка, боги разбудили меня, чтобы показать мне ваши очаровательные ножки, а Вы их от меня спрятали.

– Молодой человек. Спице дальше, вы так хорошо дрыхли в обнимку с салатом!

– Не... не... не... мне нравится этот сон, и я не хочу другого.

- О Вейм, у тебя появился поклонник, – улыбнулась Ойра.
- Судя по остаткам помады на его воротнике, и надписи Эмма на ладони, молодой человек в принципе поклонник ножек. Любых...
- Клевета... Предпочитаю женские или на худой конец, свиные, – захохотал мужчина, отламывая ногу румяного поросенка.
- Ну да иному и свинья – женщина. Хотя... говорят, в диких селах для этого используют коз. Не хотите попрактиковаться? В смысле: либо вали подальше в горы, либо отвали.
- Вы что-то особенно милы сегодня, юная леди...
- Макс, эта леди давно уже не леди... – Попробовал было пошутить бородатый пьяный мужчина, сидящий рядом, но наткнувшись на ледяной взгляд Вейм, остановился на полуслове.
- Не обращайтесь внимания на моего друга. Йохан слегка грубоват. Трубадур Максимилиан, к Вашим услугам. – Он кивнул головой, тряхнув растрепавшимися светлыми кудрями.
- Вейм РедДреган Таммивильская, – буркнула Вейм, по обыкновению пытаюсь снять с руки перчатку. Но «костюм девушки» выданный тетушкой, не предусматривал каких бы то ни было перчаток. Вейм заметила сей факт только с третьей попытки. Ойра наблюдавшая, эту сценку закрыла лицо ладонью.
- По-моему кому-то хватит... – Прошептала она.
- Подожди, ты та самая Вейм, которая вместо Арто Тинвильского одолела всех? У меня как раз была сочинена поэма к тому случаю...
- Нет! Молодой человек, я не буду ничего слушать! Я вообще думала, что эта дурацкая история давно забылась. И, кстати, напомните мне момент, с которого мы перешли на ты?!
- Понимаешь, – проговорил он, облакачиваясь на крышку стола. Широкий рукав его белоснежной рубашки, торчащий из-под замшевой коричневой куртки, тут же залез в соусницу. – У нас так редко происходит что-то интересное: похороны, свадьбы, дни рождения, турниры... турниры, дни рождения, свадьбы и похороны. От скуки подохнуть можно. Ни войны, ни одного подвига, по крайней мере до сегодняшнего дня. До того как Хаген БлюДреганский посетил нас и одержал победу на турнире...
- БлюДреган, – поправила его Вейм, поперхнувшись вином.
- Ты его знаешь?
- Немного. Он приехал с нами, – проговорила она, вытирая расшитым рукавом вино с губ.
- А кто он будет. Каких земель?
- А тебе зачем?
- Должен же я знать, кто клеится к моей сестренке!
- Так... – протянула женщина, вспоминая лес генеалогических деревьев, похожий на тропические джунгли с переплетающимися ветками междинастических и внутридинастических браков. – Максимилиан... Королевский племянничек, – вспомнила она, наконец. – Троюродный брат леди Брегис...
- Но ты, красотка, можешь называть меня просто Макс. – Улыбнулся мужчина, смахивая с лица налипшие кудри.
- Допрыгался, значит... до конца стола... – Усмехнулась Вейм. – Кузнечик...
- Не надо пошлых инсинуаций, леди, я здесь по собственному желанию.
- Это еще по какому?
- Там, – он ткнул обглоданной костью в сторону центра стола. – Скука смертная: сплошные разговоры о природе, о погоде, кто сколько зерна собрал. Все прилично, как в храме. Хотя нет, в храмах иногда бывает веселее. У нас по пятницам в храме Богини Воды очистительные танцы заблудших женщин и изгнание темных сил. Здесь, конечно, нет танцующих грешниц, но тоже весело. Так ведь, Йохан?!

– Да,– рывкнул тучный мужчина в зеленом камзоле. Мужчина был настолько толст, что полы его потрепанного зеленого бархатного камзола расходились на брюхе, обнажая рубашку и нестиранные серые подштанники. На коленях у мужчины аккуратно лежала лютня, накрытая бархатной черной береткой с позолоченным фазаньим пером. Йохан был давно не брит: на его раскрасневшихся от вина и духоты пухлых щеках побивалась длинная щетина. – А давай выпьем Макс!

– Неплохая идея! Выпьем! Эй, мальчик, еще вина сюда. Наполни бокалы благородным господам!

Мальчик с полным бурдюком пробежавший мимо презрительно скривился и поспешил дальше, к середине стала.

– Никакого уважения! – Прокомментировал толстяк. – Они отказываются уважать меня. Меня, лучшего менестреля!

– Вина!

Следующий мальчишка, обернувшись на окрик, был остановлен могучей рукой Ирсена.

– Вина господам, – Спокойно проговорил пират, поднимая мальчонку за шкуру.

Подросток быстро закивал, но как только его ноги вновь коснулись земли, он бросил бурдюк и кинулся прочь, едва не сбив с ног поваренка тащившего фазана на большом бронзовом блюде.

Ученица Ойры, Меаде подняла бурдюк и аккуратно разлила вино по бокалам.

– За знакомство! – Зычно крикнул, подняв глиняную кружку, Йохан.

– За знакомство! – Поддержал его Макс, поднимая свой серебряный кубок.

Вейм неловко подхватила свой бокал. Вино в нем качнулось, и на винной глади появилась голова Стилмата. Голова медленно повернулась из стороны в сторону в знак отрицания и исчезла. Руку, державшую кубок свело судорогой, пальцы разжались и кубок полетел вниз. Ударившись, он треснул и покатился по столу, заливая его вином. Вино багровой лужей растеклось по заляпанной жиром столешнице. Там, где жир соприкасался с рубиновыми каплями жидкости, жидкость начала пузыриться и шипеть.

– Это что еще за дела... – Проговорил Макс.

– Ммм... волшебный стаканчик, все вино превращающий в шипучку. – Пожала плечами Вейм. – Ирсен можно тебя на минутку?

Вейм встала. Ирсен последовал за ней. Выйдя из душного зала, наполненного запахами вина и еды, потом людей, самими людьми, собаками, гарью чадающих факелов, они оказались в крытой галерее опоясывающей главную башню. Вечер уже спрятал солнце за горизонтом, и в галереи замка, продуваемой всеми мянтувильскими ветрами, было прохладно. Вейм трясло. Она присела на каменный подоконник, вытащила из-за пояса флягу и залпом выпила. Вино теплой струйкой влилось в горло, но мелкая дрожь не прекращалась.

– Ты... ты это видел? В бокале был яд...

– Кто вино наливал, заметила?

– Из общего бурдюка, потом стакан передавали с другого конца стола, но в руках держали все... Неужели кто-то из наших? Меаде... Ойра... Онни... ты...

– Вейм, успокойся. Если бы кто-то из нас хотел отправить тебя к мужу, тебя бы грохнули еще в море: прирезали горло и концы за борт. Возможность была у всех. Так что наши ребята вне подозрений. Но факт остается фактом: это уже вторая попытка отправить тебя на тот свет за последнюю неделю.

– Если считать сожженный корабль, то уже третья. И при этом каждый раз помогает Стилмат.

– Это ЕГО ты видела в кубке? У тебя аж лицо вытянулось.

– Да.

– Неплохо было бы побеседовать с водяной ящерицей, – Задумчиво проговорил Ирсен, набрасывая на плечи Вейм плащ.

– Он не собака, на имя не отзывается. Но, похоже, он единственный знает, что здесь происходит.

Вейм замолчала. Теплый плащ, рассчитанный на морской ветер и ледяную бурю, не грел. Ну если это отец... – добавила она после паузы.

– Не говори глупостей... Если не видишь реального врага, не стоит кидаться на мнимых. Ты где ночевать будешь?

– У Эйтель.

– Хорошо, я отправлюсь со своими ребятами в замок. Хаген нынче важная шишка, и ему нужна свита, и хотя бы один переводчик. Ойру, Отти Оруженосца, Меаде Облачко, близнецов Марти и Матти и Илану с сыном оставляю тебе. Тетка сильно ругалась, что мы ей всю малину попортили?

– Рвала и метала. Лучше б просто убила, – ответила женщина, натягивая туфли на окованные ноги. Ступни мерзли на каменном полу, а вино давно не грело. – Ирсен, знаешь, что раздражает больше всего? То, что я ничего не понимаю. В Драгонхолле было проще: есть союзники и противники. Одним помогаешь, других – давишь. А тут... Мне не всегда будет так везти, Ирсен. Однажды Стилмат не успеет: и меня грохнут, а я даже не узнаю кто и за что.

– Не нервничай, Вейм... Нынче кубики твоей судьбы бросают боги. Тебе нужно только покориться судьбе и надеяться, что кости лягут удачно.

Вейм фыркнула, закутываясь в плащ.

– Удачно... но не игральные кости Богини Судьбы на стол предсказаний, а мои в сухую и теплую могилку. Я не доверяю богам. И не хочу, чтобы они слепо вершили судьбу. Это моя жизнь и я не люблю, чтобы посторонний решал за меня.

– Вейм, не все в этой жизни бывает, как нам хочется.

Вейм тяжело вздохнула.

– Ничего, все наладится, – Ирсен нежно по-отечески обнял Вейм. – Пойдем, ато остальные будут волноваться.

– Устала я...

– Пойдем Вейм. Позже отдохнем.

В зале все так же тихо и заунывно играла музыка, неспешно вели беседы благородные господа, и вымучивал старые шутки запыхавшийся шут. Громко веселились лишь на концах стола: играли в кости, пили и пели. Ряды гостей постепенно редели. Кто-то мирно спал, развалившись на лавке, свалившись под стол или опершись о бок более крепкого соседа; кого-то из особенно шумных вытолкала из зала стража; кто-то ушел продолжать вечеринку в одну из теплых таверн гостеприимного квартала удовольствий.

Макс и Йохан незаметно для окружающих влились в компанию. Когда Вейм вернулась, Йохан и Олли Долговязый что-то наигрывали на лютнях в четыре руки, ежеминутно поправляя друг друга. Высокий бледный и худой, словно богомол, Олли возвышался над низким упитанным и розовощеким Йоханом. Длинные и быстрые пальцы Олли постоянно спешили извлечь звуки из струн маленькой лютни, смотревшейся игрушкой в его широких ладонях, в то время как полные пальцы Йохана неспешно ползали по инструменту. Несмотря на очевидные различия, играли музыканты на удивление складно. Макс, пересевший к дамам, развлекал Ойру, Меаде и Илану сплетнями из жизни двора. Ойра с трудом понимала шутки, но громко смеялась, а Меаде краснела и тушевалась в присутствии незнакомого мужчины.

– О, моя прекрасная фея... – Поднялся Макс из-за стола, увидев Вейм. В свете чадающих факелов ее бледная, отливающая зеленоватым оттенком кожа, приобретала здоровый оттенок.

– Я что-то пропустила? – Презрительно вскинула бровь Вейм.

– Молодой человек такой забавный, – не переставая улыбаться, проговорила Ойра на драго. – Если бы он не был таким бабником и волокитой, я бы сказала, что он ничего...

– Так что же тебе мешает, – ответила Вейм. – Забирай... Тряхнешь стариной... развеешься.. К тому же, он родственник короля: составишь компанию Хагену там, в середине стола.

– Дамы... дамы... не ссорьтесь... – Миролобиво обнял Вейм и Ойру Макс, понимая, что разговор идет о нем. – Меня на всех хватит.

– Ссоримся? Из-за Вас Максимилиан? Вы что-то слишком высокого мнения о себе, – фыркнула Вейм, презрительно сбрасывая его руку со своего плеча.

– Вейм хотела сказать, что сильно утомлена сегодня и поэтому немного раздражительна, – быстро проговорил Ирсен. – Ойра, Меаде, Отти Оруженосец и Олли вы ночуете у госпожи Вейм, а мы составим компанию Хагену.

– Вы что, так рано уходите? – Удивился Йохан.

– Госпожа Вейм рано ложиться спать... – Пожал плечами Ирсен.

– Я с вами... Провожу прекрасных дам... – Вызвался Макс.

– Догоняй, – фыркнула Вейм. Она резко развернулась и направилась к выходу.

– Ойра, присмотри, за ней, – попросил ведунью Ирсен.

– Хорошо, – кивнула Ойра. – Я попробовала определить яд, но он быстро разложился, превратив жир в стекло. Отличное было зелье: съел свиную ножку и выпил винишка – стакан острых осколков в желудке тебе обеспечен. Ребятунки уже расспрашивали виночерпиев и слуг, но все без толку. Мы сидели на проходе: слишком много народу крутилось рядом. Никто ничего не видел, а допрашивать мы не могли: это не драконовы земли, тут свои командиры. И еще... Макс и Йохан ничего не заметили: я наплела, что вино прокисло, а кристаллы – осколки от склянки с маслом. Слава богам, эти олухи пьяны и готовы верить в любой бред.

– Вейм подозревает кого-то из наших.

– Думаешь, кто-то решил, что «вещь» у нее?

– Не знаю. Лишь бы не догадались о нас. Я бы совсем избавился бы от нее, как и хотела Маа.

– Нельзя, – покачала головой Ойра. – Нельзя уничтожать «вещь». Она создана не нами, и не нам распоряжаться её судьбой.

– А Стилмат?

– Он, будучи драконом, может что-то почувствовать, но знать наверняка... нет. Ирсен, у нас больше вопросов, чем ответов. Уже поздно, давай поищем ответы завтра.

– Да, Ойра, удачи, – они обнялись на прощание, и женщина неспешно пошла в ту сторону, где скрылась со спутниками Вейм.

Глава 5. Игры Амура

Вейм снился Драгонхолл, его высокие шпили, серые камни, омытые изумрудными волнами студеного северного моря, низкие серые тучи, плывущие по осеннему серому небу. Во сне она видела себя на одном из больших валунов, торчащих из серого песка у самой кромки воды. Ей восемнадцать лет. Она только что вышла замуж и переехала в драконовы земли. Она сидит на камне, обхватив колени, и смеется. Ветер треплет каштановые волосы, и море солеными брызгами блестит на кожаных сапогах. Он сидит рядом и, хитро улыбаясь, что-то рассказывает. Его волосы давно поседели от возраста, но что значит возраст для дракона. Он выглядит как двадцатилетний юноша, только в уголках зеленых глаз притаились морщинки. Шум прибоя глушит голоса.

– Вставайте прекрасная леди, вставайте... Уж солнце пробудило лесные полянки и зайчиков, что скачут на лугу... – Пропел мужской голос. – И зайчиков и зайчиков... – подхватил еще один.

Вейм открыла глаза, сознание неохотно отпускало виденье, цепляясь за сон, который исчезал в реальности, как исчезает капля благородного вина в бокале бормотухи. Реальность же представляла собой комнату с большим окном, выходящим на улицу. На улице пьяница дурным голосом орал песню про зайчиков. Второй пьяный подыгрывал ему на лютне, подпевая припев.

– Макс... – Прошипела она. Заматавшись, плащ, женщина подползла к окну. – Твою же ж мать-королеву!

– О прекрасное создание, ты проснулось, – прокричал мужчина и помахал букетом увядших ландышей, который до этого держал под мышкой. Несмотря на короткий сон и обильные вечерние возлияния, Йохан и Максимилиан были словно лесные цветы на рассвете: свежи и прекрасны. Организмы профессиональных тусовщиков прекрасно справлялись с последствиями многодневного недосыпания, беготни за дамами, ежедневных попок, и других развлечений.

– Максимилиан, не соизволите ли вы прекратить это безобразие, – улыбнулась она улыбкой питона, обнажая зубы.

– Я рад, что Вам понравилось, леди Вейм, – галантно поклонился Макс. При этом он умудрился макнуть букетик ядовитых цветов в пыль, из-за чего тот стал еще больше походить на веник.

– Я тоже рада, что Вы рады, но мне искренне жаль, что Вы тратите на меня свое время. Не соизволите ли Вы заняться своими делами?

– Да что Вы... Да что Вы. Для меня огромная радость находиться рядом с Вами и улаживать слух, своими скромными способностями в пении.

– Более чем скромными, – проворчала Вейм не переставая улыбаться.

– Я могу с удовольствием составить Вам компанию за завтраком. Ваши родственники уехали на королевскую охоту и, думаю, вам будет одиноко за утренней трапезой.

Видя, что ей не отвертеться от назойливого поклонника, Вейм кивнула в знак согласия и раздраженно хлопнула ставней, заканчивая разговор. Она быстро собралась и вышла из комнаты. В коридоре она наткнулась на Отти Оруженосца и братьев Марти и Матти. Примостившись на узкой лавочке, вынесенной под шумок из кухни, они резались кости. Чтобы кубики не стучали по деревянным доскам и ненароком не разбудили Вейм, они постелили меховой плащ, а чтобы они не скользили по кожаной поверхности, сбалансировали лавку, подложив под ножки разделочную доску. При появлении девушки они резво вскочили, отчего дощечка вылетела, и хлипкая лавочка с неприятным скрипом покосилась.

После нагоняя за игру в кости, Вейм выяснила, что Ойра еще до рассвета отправилась с остальными в город, оставив троицу в качестве охраны, и что ночью происшествий в доме не было. Вот в порту был переполох: кто-то под покровом темноты стащил тюки с рыбой с одного из кораблей, принадлежащих Альваро Рыбарю. Еще одним странным известием было то, что Макс и Йохан ночевали в доме. Эйтель даже выделила им отдельные комнаты и пригласила к завтраку. Тетушка явно благоволила королевскому родственнику.

– И туфли на размер меньше она тоже достала с тайным умыслом, – зло подумала Вейм, уплетая за завтраком булочку с беконом. Бурная деятельность тетушки начинала раздражать. Уж очень не хотелось становиться одной из ее пешек в сложной шахматной игре. То, что Хаген уже превратился в одну из фигур, Вейм не сомневалась. Даже из проигрыша Эйтель умела извлекать выгоду, и ситуацию с уплывшим из рук венком Королевы турнира Эйтель тоже обратит в свою пользу. – Мало мне было Маа с ее дворцовыми интригами, а тут еще Эйтель, – с тоской подумала Вейм, прикидывая как бы остаться в стороне интриг, не поссорится с тетушкой, при этом получить земли хотя бы на окраине отцовских владений, но не выходить при этом замуж и не попасть под чье-нибудь покровительство. Единственный выход, который виделся Вейм: переиграть игрока, превратив саму Эйтель Миртувильскую в шахматную фигуру.

Погруженная в свои мысли, Вейм ела молча, медленно пережевывая пищу и запивая горячим чаем. Сидящий же рядом Максимилиан не умолкал ни на минуту. Он увлеченно рассказывал анекдоты, временами скабрзные, пропуская мимо ушей желчные замечания. Несмотря на назойливость, Вейм позволила Максиму сопровождать ее на прогулке по городу.

– Это замечательно, – с воодушевлением проговорил он, поглаживая руку Вейм, не сняв предварительно перчатку. – Мы обязательно зайдем на Храмовую площадь к Деве Воздуха и прогуляемся по Цветочной улице и посмотрим на Сад цветов, что держат послушники при храме Богини Врачевания.

Вейм перевела его слова Отти, на что Отти Оруженосец ехидно усмехнулся. Отти знал Вейм с тех самых пор, когда боги прибили разбитый бурей остов корабля к северным берегам Озерного края. Отцы Отти и Илириха РедДрегана дружили с детства, и, когда лорд Леон Вайт-Дреган пропал в морской экспедиции, Илирих взял опеку над его сыном. В отличие от отца, Отти не манили морские просторы, и карьера флотоводца ему была безразлична. Он вполне комфортно чувствовал себя на суше, в должности личного помощника Илириха Храброго. Когда Илирих отправился пировать с богами, его корона, имущество и верный оруженосец отошли к Вейм. Они как-то быстро притерлись друг к другу, изучили повадки и вкусы. Вот и сейчас, услышав, что его госпоже предстоит весь день нюхать цветочки, мужчина лишь криво усмехнулся.

В лавке торговца снадобьями было душно. Глаза резало от запаха цветов, трав, пряностей, порошков, едкого газа вырывававшегося из реторт и колбочек. Отти обмотал лицо плотным шарфом, и только после этого первым открыл дверь, ведущую в тесное маленькое помещение, и скрылся в клубах дымки. Марти и Матти предусмотрительно остались на улице, наученные горьким опытом ходьбы по магазинам с госпожой Вейм. Йохан просто не стал заходить, аргументируя тем «что-то предчувствие у меня не хорошее, да и не люблю я таки лавки, в них всякой богомерзкой дрянью торгуют». Макс же со щенячьей радостью вызвался сопровождать Вейм. Однако войдя магазин, мужчина позеленел, так как завтрак предательски подскочил к горлу, а перед глазами поплыли пестрые круги. Борясь с тошнотой, мужчина сжал зубы и замолчал. Однако, его все равно хватило ровно до того момента, пока Вейм не стала проверять жаб, плавающих в желтом растворе в больших пузатых банках расставленных в три ряда на полках над прилавком. Ловко выловив из любезно предоставленной торговцем банки желто-зеленую лягушку, она внимательно осмотрела ее, держа за оттопыренную лапку двумя пальцами. Затем женщина сняла пропитанную смолой непромокаемую перчатку, и провела ука-

зательным пальцем по бородавчатой спинке. На пальце осталась белесая слизь, похожая на соплю. Вейм принюхалась и облизнула палец.

Макс мгновенно сменил цвет лица с белого на пунцовый и стрелой вылетел из лавки. Сквозь мутное стекло витрины было видно как мужчина, склонившись над кадкой с бархатцами, выворачивал желудок.

– Молодежь, – прокомментировала Вейм, возвращая жабу в банку. В теплом воздухе лавки амфибия начала оживать, лапки ее стали смешно подергивались в воздухе. Попав в раствор, она снова замерла, превратившись в маленькую статуэтку.

– Да уж, – улыбнулся торговец, протягивая бумажную салфетку, и выразительно посмотрел на обнимающегося с кадкой Макса, рядом с которым, словно насадка, хлопотал Йохан. – Марганцева камня не возьмете?

– Возьму, – улыбнулась Вейм, вытирая тонкие пальцы. – А еще возьму: крови кроличьей, свечей семь штук восковых, мела кусочек, черных осьминогов, шкурок хамелеона толченых. И еще чешуи морского чуда.

– Есть все, кроме чешуи. Вы же понимаете: Озерный край уже не тот. Ни морских чудищ, ни русалок народ в здешних краях давно не видел. Разве что дальше, на севере... Но там народ уж больно суеверный: волшебную тварь на продажу бить не будет. Может крови девственниц?

– Нет, спасибо.

– Зря. У меня этого добра завались. Нынче бабье ушлое стало: кровушку так и несут каждое полнолуние, дескать, нечего добру преподать. Хоть бы постыдились! У меня покупателей столько нет на этот товар.

– И что Вы делаете с ней?

Продавец не стал отвечать на этот вопрос.

– Вы никак кого-то вызывать собрались? – Спросил он, заворачивая снадобья в серую бумагу.

– Нет, просто обновляю старые запасы. Вы же знаете: магические ингредиенты – вещь скоропортящаяся.

– С вас восемь серебряных.

– А за беспокойства? – Спросила Вейм, кладя на прилавок золотой.

– Не волнуйтесь, госпожа, с кем не бывает... – Он аккуратно отсчитал два серебряных. – Вы заходите еще: на следующей неделе у нас новый завоз. Вот только господина своего с собой не берите: он у Вас слабенький.

Вейм улыбнулась. Отто легко подхватил тяжелые свертки, и они покинули лавку. Оказавшись на свежем воздухе, мужчина, насмехаясь над Максом, рассказал близнецам о произошедшем в лавке.

– Он, как дурак, попася на этот фокус с пальцами. Даже полуграмотные дети из прибрежных районов не купятся на эту уловку! Зачерпнуть пальцем указательным, а облизнуть палец средний!

– Просто Макс не ожидал подвоха. Ему сразу стало плохо, как только он оказался в душевой лавке. Не стоило мне так неудачно шутить. – Вейм посмотрела на Макса. Он сидел бледный, словно белёное полотно, прижимаясь лбом к жестяному обручу. Губы его тряслись, а по благородному лбу крупными каплями стекал пот. Рядом стоял Йохан, где-то раздобывший стакан с холодной водой.

– Макс, извини... – Вейм взяла стакан и, размешав порошок марганца и добавив несколько капель имбирного масла, протянула Макс. Макс взял трясущимися руками и залпом выпил пойло. – Не стоило брать тебя в лавку.

– Лягушки, – прошептал он пересохшими губами.

– А... это сине-зеленые жабакусы. Прекрасный товар! Пять капель слизи на стакан молока и галлюцинации обеспечены.

Макса снова вырвало. Однако, ему несомненно стало легче.

– Ненавижу лягушек...

Вейм улыбнулась. Бледный и измученный Макс ей казался более человечным. Как только ему полегчало настолько, что он смог встать, Вейм потащила его в один из трактиров, что располагаются между центральной площадью и кварталом удовольствий. Сладкий чай с имбирем привел мужчину в чувство, но при удобном случае он все же отлучался в уборную. Пока Макс приводил в порядок желудок, встречаясь с завтраком и ужином, Вейм расспрашивала Йохана о Максе. Йохан же не замечая того стремительно пьянел с каждым глотком глинтвейна. Пьянея, он добрел, язык его развязывался, и он, словно на исповеди, рассказывал обо всех любовных похождениях Макса за последние годы. Из его рассказов Вейм вынесла то, что до встречи с ней Макс любил веселых блондинок с грудью, что не помещается в ладони. Почему Макс вдруг изменил своим вкусам, обратив свои взоры на худую, темную Вейм, Йохан даже не мог представить.

– Вернулся, красавчик, – улыбнулась Вейм, когда Макс в очередной раз возвратился после отлучки в уборную.

– Что это с ним? – Спросил Макс, кивком головы указывая на Йохана, храпящего на лавке.

– Слишком крепкий глинтвейн, – пожалала плечами Вейм.

– Извини меня... за жабакусов... – Начала Вейм крутя в руках глиняную чашку с ароматным чаем.

Макс вымученно улыбнулся.

– А ведь знаешь, сейчас ты больше похож на человека, чем утром, когда приперся с букетом цветов. Как говорил один монах, физические страдания делают людей людьми, сдирая маски, обнажая истинное лицо. Не многие могут продолжать играть выбранную роль, когда им вспарывают кишки или отрубает пальцы.

– О чем ты? – Отхлебнул Макс чаю.

– Брось, Макс. Я же не твой типаж. Тебе привлекают во мне чисто меркантильные интересы. Так что давай выкладывай: кто и что посулил тебе, чтобы ты изображал пылкого влюбленного.

– Как ты могла подумать! – Попробовал было возмутиться Макс.

– Макс, не начинай... Эти отношения мне не нужны. Тебе ж они, как ком в горле. Не зря же ты приперся с венником ядовитых цветов орать под мое окно. Я слышала, как ты вчера пел Илане, как смотрел в глаза Меаде. Вот тогда ты был искренен, но не сегодня утром. Извини, Макс, актер из тебя никудышный. Даже если Йохан не сдал бы тебя, я бы все равно бы догадалась, что отношения со мной тебе противны. Я могу даже сказать почему: ты не любишь претворяться и делать что-то по чужой указке. Ты и раньше был такой, не думаю, что за шесть лет что-то изменилось.

Макс молчал.

– Так кто же... Эйтель или Эрик?

– Эйтель, – опустил голову Макс. – Я на прошлой неделе проигрался в кости лорду Айверту Янсену.

– Это тот миловидный мужчина сорока лет, что сопровождал ее на турнире?

– Да. Мне нечем было платить. Эйтель сказала, что забудет долг, в обмен на небольшую услугу. Я должен буду встречаться с тобой. Только не говори ей, что я проговорился о нашем с ней договоре.

– И сколько это должно было бы продолжаться.

– Около месяца.

– То есть, месяц ты собирался портить мне жизнь...

– Ну не совсем...

– Я забираю свои извинения за шутку с лягушкой и предлагаю новый договор: ты месяц отыгрываешь пылкую любовь, я делаю вид, что без ума от тебя, а потом мы страшно ссоримся, скандалим и разбегаемся. Можно без ссор и скандалов просто разбежаться.

– А свадьба?

– Какая к лешему свадьба!?

– Ну, я думаю, что Эйтель не просто так это все затеяла, и все должно закончиться свадьбой.

– И не надейся, – фыркнула Вейм, снимая с правой руки перчатку. – Видишь эти два кольца? Одно кольцо подарил мне на помолвку муж, второе – память о сыне. На этой руке больше нет места для обручальных колец.

Макс ошалело смотрел на нее. Ему казалось, что он понимал отдельные слова, фразы, но смысл сказанного не укладывался в его голове

– Так значит ты не хочешь замуж, семью...

– Нет, – пожала плечами Вейм. – Семья... дети... Боги решили, что я недостойна всего этого. У меня был шанс, но я его упустила. Теперь моя судьба выполнить земное предназначение, чтобы боги дали мне уйти из этого мира.

– И в чем же твое предназначение?

– Я не знаю... Никто не знает... Но ни детей, ни мужа у меня не будет. Так что, возвращаясь к нашему разговору: готов ли ты принять мое предложение?

– Мне нужно подумать.

– Ты ничего не теряешь: выполнишь уговор с Эйтель и свободен. Я тебя напрягать не буду: мне это не нужно. Ты только Эйтель не проговорись. О Йохане не беспокойся, скоро он преядет в себя и ничего не вспомнит. Мои спутники не понимают на экси. Через месяц ты волен идти на все четыре стороны.

– Хорошо, я согласен.

– Кстати, где ты достал это веник, с которым явился под мои окна?

– Купил у монашек, что торгуют цветами у городского кладбища. Увы было слишком рано, и лавки были закрыты, – добавил Макс оправдываясь.

– Мило. Можно еще несколько просьб?

– Конечно же, прекрасная леди.

Вейм поморщилась.

– Никаких серенад по утрам и оставь свои идиотские выраженьица для любовниц.

– Неужели тебе неприятно?

– Они слишком сладкие... Я люблю, чтобы все было в меру.

– Суровая северная женщина.

– Да. Ты б чайку-то пил. Для твоего желудочка очень полезно. И не волнуйся, я никому ни расскажу о твоих трепетных отношениях с лягушками.

Не успела хозяйка принести чаю и свежих пирогов с капустой, как Йохан стал стремительно трезветь. Он искренне удивлялся своему состоянию, греша на хозяйку чайной, не заметив что прежде, чем отдать кружку миловидной служнице, Отти вытащил из него мешочек со специями с маленьким гранатовым камушком как бы невзначай прилепившимся у основания. Камешек, называемый в народе «пьянь камнем», Отти вернул в оправу кольца, где он и находился до этого.

– Ну и чем мы займемся? – Спросил Макс, когда весь чай был выпит, пироги съедены, и за еду заплачено.

– Неужели у тебя нет дел в городе?

– Эм... мои дела уехали на охоту вместе с королем, – проговорил Макс тушуясь.

– А можно узнать имя этих дел?

– Думаю, не стоит, – Проговорил Макс. – Сегодня я полностью в твоем распоряжении.

– Ну тогда можно продолжить осмотр лавок в Переулке Травников.
– Мне кажется, это будет лишне.
– Значит ещё несколько кругов по городу, пока солнце не начало палить, и ты свободен.
– А вечером?
– А на вечер у меня планы. Извини, Макс, но по нашей легенде именно ты влюблен в меня.

– А ты?
– Ну, мое сердце растает где-то через недельку. Я же порядочная женщина и не могу сразу бросаться в омут страстей.

– То есть, я спокойно могу залечивать свои сердечные раны в обществе других дам?
– Да сколько угодно! Только старайся не увлекаться, ато твое поведение может показаться подозрительным.

– Да... дела... А ты, значит, собралась на свиданье с другим? Может, мы зря все это затеяли? Рассказали бы тетушке Эйтель, что у тебя по другому сердцу бьется...

– Не угадал, болезный. У меня дела иного свойства. Я заказала клинок, – не моргнув глазом соврала Вейм. – К вечеру должны сделать. Нужно будет подойти посмотреть, и, если понравится, забрать.

– Как это «если понравится»?
– Мастера в Мянтувиле превосходные, но вот сырье – никудышное: плохое железо, мягкое. Поэтому я договорилась, что возьму клинок, только если меня все устроит.

– А...
– Меня сопровождать не надо, – перебила его Вейм.
– Хм. Впервые вижу таких самостоятельных женщин.
– Увы, все приходится делать самой.

После чайной они пошли бродить по городу. Вейм рассказывала Отти и близнецам про Мянтувиль. Они дождались полуденного представления на городских часах. За ночь с площади убрали опилки, конский навоз и мусор, разобрали помосты и трибуны, одним словом привели ее в обычный вид. Затем они бросили медные монетки в колодец Святого Августа, чтобы боги даровали им удачу. Колодец был с секретом: монетки не долетали до его дна, оседая в спрятанном под водной гладью решетке. Если же нужно было набрать воды, поворотный механизм убирал решето в нишу, пропуская ведро с водой. Монахи раз в день опустошали колодец, забирая монетки. В целом устройство работало так: Люди бросали монетку сквозь щель в тяжелой чугунной крышке колодца, монетка плюхалась в воду и попадала в решето. Если же жители окрестных домов приходили за водой, они поворачивали колесо, одновременно убирающее решето, отодвигающее крышку и поднимающее ведро с водой. У монахов же был ключ. Они вставляли его в едва различимую скважину в камнях у основания колодца и, крутя то же самое колесо, поднимали на поверхность решето полное мелочи.

Колодец и часы были самыми известными чудесами Мянтувиля. Однако Вейм больше всего нравилась Матушка Ветер, деревянная фигура женщины в позолоченных одеждах. При сильном ветре прикрепленные к спине большие, похожие на драконьи крылья приходили в движение, а сложенные на груди руки с длинными ногтями начинали хлопать в деревянные ладоши. Статую много лет назад нашли на развалинах за Мянтувилем, и ныне она украшала Храмовую площадь, при малейшем дуновении ветра собирая толпы зевак. Почему-то фигура напомнила Вейм Стальную Маа. Именно так должна была выглядеть свекровь, если бы боги позволили бы ей родиться драконом. Как и Вейм, Маа была пришлой, взятой в семью РедДреганов для обновления крови. Кто был родителями Маа, никто не знал. Маа никогда не рассказывала ни о своей семье, ни о своей жизни вне Драконовых земель.

Когда солнце стало нещадно припекать, а купцы закрыли свои лавочки на обед, они простились у дверей дома Эйтель. Родственники еще не вернулись с охоты, и слуги разбре-

лись по своим делам. Дом стоял пустой и заброшенный. Когда Максимилиан и Йохан скрылись за поворотом, они вышли из дома и направились в противоположную сторону. Сделав крюк, Вейм и ее спутники вышли через западные ворота, миновали ярмарку и рынок. Когда шпиль Мянтувиля остался позади, они свернули с тракта. Была макушка лета, всю колосилась пшеница, обещающая богатый урожай и сытую зиму. Миновав поля, они оказались на берегу. Заплатив ленивому перевозчику, отдохавшему на пристани в тени разросшейся ивы. Перевозчик доставил вниз по течению, там, где синяя лента реки вихляла, уходя от старого русла. Там они простились с этим милым человеком, уговорившись, что он будет ждать их на этом месте, после полуночной службы. Пройдя еще немного, они оказались у одного из озер, изумрудами рассыпанных по старому руслу. На поросшем камышами, осокой и низким орешником берегу, в тени серебристой ивы они разбили костер. Пока мужчины готовили еду, Вейм нашла сухую песчаную полянку, у самой кромки воды.

Спутники ни о чем ее не спрашивали. Пока Вейм варила зелье, побрасывая в маленький медный котелок купленные ингредиенты и помешивая мутное зеленое варево осиновой веточкой, они еще раз сыграли в кости под неодобрительные взгляды Вейм, сварили уху, поспали. Запах зелья распугал комаров, и насекомые зло звенели в камышах, не решаясь подступить к полянке. К вечеру зелье было готово. Вейм, наказав ждать, отправилась к облюбованной площадке. Там она, растерев мел в ступке, нарисовала гектограмму с плавными, чуть закругленными концами. По углам она расставила плашки с мутной болотной водой, в каждую плашку опустила зажженную свечу. Из болотных цветов сплела венки. В округе орали лягушки, а в заводях плескалась рыбка.

– Понеслась родимая, – подумала Вейм, садясь в центр гектограммы. Она хлебнула зелья из котелка и, сосредоточившись, вызвала в памяти образ Стилмата. Она в мелких подробностях вспоминала, как выглядит дракон, как он говорит, как двигается. Стилмат был рядом, Вейм чувствовала его присутствие, его недоумение, его любопытство.

– Стилмат, ответь мне, – внятно произнесла женщина. Пламя свечей задрожало и начало трещать. – Стилмат, водяной дракона, сын дракона и драконицы, потомок славного рода Великого Дракона, создателя всего сущего, явись мне.

Стилмат молчал, прячась в холодных глубинах озера. Вейм чувствовала его взгляд из толщи воды.

– Я Вейм, жена Илириха РедДрегана, потомка Онни Тихого, призываю тебя.

Вейм почувствовала, как от нее протянулась тонкая нить связывающая ее и Стилмата.

– Я Вейм РедДреган, правитель Драконовых земель, призывая тебя.

Она почувствовала, как дракон шевельнулся, как натянулась нить, как пошли круги по водной глади, но Стилмат все еще отказывался разговаривать или появляться.

– Именем Великого Дракона, я призываю тебя Стилмат. Подчинись мне.

Нить стала утолщаться. Женщина уже чувствовала биение огромного сердца, тяжелое дыхание. Вода в озере забурлила. Вейм глотнула остатки зелья.

– Я призываю тебя, Стилмат, – прошептала она, вставая на колени и поднимая руки в приветственном жесте.

Драконы не любят, когда им приказывают. Дракон дернулся, натягивая нить до предела, затем резко остановился.

– Ты не имеешь власти надо мной человек, ибо дни твои счетны... – Прошипела рептилия, перерезая зубами нить. Нить хлыстом ударила женщине в грудь, и на губах почувствовался солоноватый привкус крови.

Вейм очнулась у костра от запаха нашатыря.

– Ритуал окончился неудачно?

По голосу она узнала Отти. Перед глазами стояла темная пелена, глаза различали лишь яркое пятно костра и три тени.

– Стилмат отказался разговаривать. Черт вас, драконов разберет: то спасаете шкуру, то отказываетесь объяснять свои поступки.

– Может быть, нам просто нужна только шкура?

– Я подумаю над этим. Но Стилмат, тоже молодец: дождался, когда я сотку достаточно толстый «поводок», чтобы вытащить его на сушу и резко разорвал.

– Странно, – задумался Отти. – Стилмат всего лишь речной дракон. Такие твари не очень сильны, а наш еще и травмирован: у него не хватает двух плавательных отростков. Как он вообще решился разорвать «поводок»?

– Не знаю, Отти, но с магическими экспериментами на ближайшее время покончено.

Грудь в районе солнечного сплетения ныла. Вейм чувствовала под курткой набухающий синяк. Над рекой уже плыл колокольный звон мянтувильских храмов. Быстро собравшись, они вышли к переправе. Лодка паромщика, освещаемая фонариком, покачивалась у самого берега. За лишний золотой рыбак отвез их к пристани и путники медленно побрели через весь город. К дому Эйтель они добрались к полуночи. Леди Эйтель еще не спала. Растянувшись на устланной мягкими покрывалами кушетке, она вышивала, попивая красный чай. Авундий следил за фонариками, чей свет, падающий на пяльцы, привлекал ночных мотыльков. Остальные, утомленные охотой, уже давно видели сны.

– Ну, как дела? – Осведомилась Эйтель.

– Макс великолепен! – Устало отшутилась Вейм.

– Рада за тебя, – удивилась Эйтель, но уголки ее губ дернулись в легкой усмешке.

Вейм устало кивнула головой и побрела в свою комнату. Там она быстро разделась и, взгромоздив тяжелое тело на кровать, моментально провалилась тяжелые объятья сна.

Проснулась женщина от тихого скрипа входной двери. Она медленно потянулась к оружию. Кинжал всегда носился на правом предплечье: ночью – поверх нижней рубашки, днем – поверх верхней одежды. Нашупав пальцами кожаную оплетку рукояти, Вейм медленно приоткрыла глаза, не поднимая пушистых ресниц.

– Доброе утро Вейм, – Ойра тихо присела на краешек кровати и положила руки на колени.

Вейм поморщилась, разжала пальцы, и открыла глаза.

– Дракона вызывала? – Принюхалась Ойра.

Едкий запах варева пропитал даже нижнюю одежду, волосы и кожу. Вейм кивнула, натягивая одеяло.

– Стилмат так и не появился?

– Зачем спрашивать то, о чем уже знаешь? Отти наверное все уже рассказал.

– У меня плохие новости: мне так и не удалось определить яд. Увы, отравляющие зелья – не моя специальность, но у меня есть и хорошие новости.

– Почему-то у меня такое предчувствие, что меня они не обрадуют.

– Максимилиан ждет тебя во внутреннем дворике. Не успело солнце встать из-за горизонта, как он уже появился в этом доме.

Вейм чертыхнулась, вспоминая темных драконов и их приспешников.

– Почему тебе не нравится этот молодой человек? Он умен, остроумен и обходителен. По-моему он очень милый.

– Слишком милый... Лучше расскажи, как вчера Хаген съездил на королевскую охоту.

– Хаген был просто великолепен: забил для короля вепря, спас его сына от гадюки и получил пост главного сокольничего.

– Ай, маладца!

– По нему этого не скажешь, – вздохнула Ойра, складывая руки на колени. – Он в отчаянии: Брегис держит его на расстоянии. Он, кстати, тебе записочку передал.

Ойра достала из-за пазухи листочек плотной бежевой бумаги, перетянутый бечевкой. Концы бечевки были надежно припечатаны сургучной блямбой. Ойра положила бумагу на

подушку и приняла прежнюю позу. Достав из-под теплого одеяла руку, Вейм взяла конверт, сломала печать и развернула листок.

«Нужна твоя помощь в деликатном деле. Погибаю.

Хаген БлюДреган.»

Хаген никогда не подписывался «БлюДреган». Обычно «Хаген» или «Хаген из Драгонхолла», но никогда Хаген БлюДреган. За такое в Драгонхолле ему бы оторвали голову, как присвоившему чужое имя. А здесь... здесь не Драгонхолл, и карьера стремительно шла вверх.

– Совсем страх потерял, – Вейм рывком села на кровать и начала одеваться.

– Что пишет?

– Что цитадель не сдаётся...

– Неужели так и пишет? – Удивилась Ойра.

– Ну ты же знаешь Хагена: он обычно краток. Но смысл его послания такой: «мои войска вымотаны, стрелы кончились, стенобитные орудия разбиты в щепу, таранные башни сломаны, а крепость как стояла, так и стоит».

Ойра улыбнулась.

– Хочешь рассказать ему, что в крепости есть ворота и окна?

– Нет, хочу сказать, что данная крепость пуста: симпатичные башенки, голубые окошечки, а внутри пустота.

– Завидуешь?

– Нет, Ойра. Просто смотрю на несколько шагов вперед. Сколько лет Брегис? Шестнадцать или восемнадцать. Не пройдет и пару лет, как ее выдадут замуж, но не за Хагена. Это будет политический брак, целью которого будет укрепления связей королевской семьи, улучшения их материального благосостояния и земель. А Хаген... Если не одумается, он будет до конца своих дней бросать украдкой пламенные взоры, опуская глаза при ее появлении; мучаться, тихо изводя себя; ревновать к многочисленным любовникам, не смея предложить близость; оберегать ее плохих людей и разговоров, защищая честь и репутацию. Может быть, он станет ее другом, но мужем... никогда.

– Ты, как обычно пессимистична, – укоризненно покачала головой Ойра.

– Это жизнь, Ойра. Он еще месяц промучается, а потом ты сама в тайне сваришь отворотное зелье и потихоньку вольешь в его кубок, смешав с вином, потому что ты сможешь больше видеть, как он мучается. Только оно не поможет, Ойра.

Вейм встала.

– Я не знаю, чем он так прогневал богов, что боги послали ему это чувство. Ибо такая любовь человеку дается один раз в жизни и не в радость, а наказание. Она опустошает сердце и душу, вытягивает жизненную силу, оставляет после себя лишь пустую оболочку – тело, лишённое желаний и чувств, – грустно добавила Вейм, натягивая сапоги.

– А я ему завидую. В его жизни появился смысл и надежда. Смысл... Смысл жить, находиться рядом с ней, знать что она рядом... И надежда.. Надежда, что когда-нибудь эта женщина станет его.

– Уж лучше жить без надежды, чем бесконечная погоня за радужными призраками.

– Ты просто разучилась надеяться и мечтать.

– Мечты бесплотны, Ойра. Их нет. Они плод наших фантазий. Я предпочитаю реальность, какой бы мерзкой она не была. Понимаешь, нужно жить здесь и сейчас. Будущего нет, мечты мертвы. Только настоящее реально. Только оно важно.

– А прошлого же тоже не существует, а Вейм. Значит оно тоже мертво. Значит, нет и не было твоего мирка, сына, мужа... Значит по твоей теории есть только ты, и такая как сейчас.

– Не трогай моего прошлого, Ойра. В отличие от часто меняющегося настоящего, прошлое является для меня единственным постоянным.

– Значит, ты всем рекомендуешь жить настоящим, радоваться текущему моменту, забыть про мечты, а сама прячешься в уютненьком прошлом.

– Ойра!

– Ойра, не мешай Вейм быть несчастной, иначе она помешает нам быть счастливыми, – в дверях появилась голова Ирсена, за которой последовал и весь остальной Ирсен.

– Ирсен, а вдруг я не одета? – Возмутилась Вейм.

– А что я тут не видел? Я не думаю, что у тебя что-то лишнее выросло, – отмахнулся Ирсен. – К тому же ты одета. Я думаю, что тебе стоит поторопиться: у Хагена всего час свободного времени.

– Чего? – Угрожающе произнесла Вейм, повышая голос. – Теперь помощник моего мужа любезно выкраивает один час из своего плотного рабочего графика, чтобы я помогла ему решить ЕГО личные проблемы.

– Все течет, все меняется, – пожал плечами Ирсен.

– Ойра, будь добра скажи Отти и близнецам, чтобы были готовы.

– Они уже позавтракали и ждут на улице, за воротами.

– А я?

– Позавтракаешь у Хагена.

– Спасибо родненький, – презрительно скривилась Вейм.

– Вейм, не паясничай.

– Не соизволит ли лорд Ирсен проводить меня к лорду Хагену БлюДрегану? – Сухо потребовала Вейм, пряча записку за пазуху.

– Вейм, ну какой из меня лорд?

– А какая разница: сейчас все лорды, как я посмотрю. Вот Хаген – лорд, почему же и тебе не побыть в благородной шкуре?

– Не цепляйся к формальностям. Ты же знаешь, что так лучше для дела. Пусть он побудет лордом. У него же мать благородных кровей, и воспитывался он в благородном семействе.

– Ирсен, титул – это не пустой звук. Это имя, репутация, история, обязательства.

– А ты чем именем вызвала Стилмата прошлой ночью, а? – Хитро прищурил глаз Ирсен.

– Откуда...

– Что неужели не приписала себе парочку титулов и званий?

– Отти и близнецы не могли слышать!

– Они и не слышали. Сказали только, что ты чем-то рассердила Стилмата. Причем так, что он хлестнул «поводком», что тебя отбросило метров на пять. Тебе повезло, что позади был густой рогоз, а не валежник или топь. Вот я и предположил, что ты могла сказать что-то, что ему не понравилось. Так как все произошло быстро, то ты успела только представиться. Ты же должна назвать себя в ритуале вызова?

Вейм натянуто улыбнулась.

– Я указал лишь те титулы, и регалии которыми обладаю. Титул Повелителя Драконовых земель у меня никто не отнимал.

– Только ты всегда забываешь прибавить к нему «бывший».

– Давайте закроем тему, – предложила Ойра. – Иначе вы сойдетесь в рукопашную. – А тебе, Вейм, нужно быть добрее к Хагену. Не ты ли говорила, что нам нужно держаться вместе, а теперь устраиваешь мелкие склоки. Будь мудрее, Вейм. Умей подчиняться и проигрывать с достоинством. И вообще, бери пример с леди Эйтель. Не давеча как вчера, твоя тетушка милостиво предложила Хагену свое покровительство и словно небесная птица распростерла над ним свои крылья.

– Чтобы потом сжать когти на его шею. Эйтель – не горлица, она по своей природе ближе к гарпиям.

– Не стоит считать людей глупее себя. Я прекрасно понимаю, что за все в этой жизни надо платить, и Эйтель рано или поздно выставит счет, но к этому времени у нас будет, чем отдать долги. Любое начинание требует стартового капитала. Деньги у нас есть, а Эйтель обеспечит связями. И поверь, я очень внимательно слежу за тем, что и как она делает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.